

СНОВИДЕЦ

ТРИЛОГИЯ

СЕРГЕЙ КИРИЧЕНКО

Сергей Кириченко
Сновидец. Трилогия

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кириченко С. А.

Сновидец. Трилогия / С. А. Кириченко — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Человек приходит в себя на лазурном берегу райского острова. Он ничего о себе не помнит, но, обнаружив рядом с собой тетрадь, узнает, что является известным и очень успешным писателем, решившим начать новую жизнь. Очнувшись, герой понимает, что, находясь в коме, путешествовал по чужим снам, а исписанная тетрадь хранит в себе все подробности необычного путешествия... Три книги, три сюжета, три порции мистических сновидений!

О себе...

Меня зовут Кириченко Сергей Андреевич. Именно так написано в паспорте. Родился в 1989-ом году 26-го июля, опять же, если верить главному документу гражданина Российской Федерации. Решил обойтись без псевдонима, так как не совсем понимаю, для чего он нужен. Хотя, если захотеть, в глобальной паутине можно отыскать меня под именами: Сергей Кирич, Сергей Сайрус, Сайрус. Не факт, что поисковая система поможет Вам, но если наткнетесь на каком-нибудь ресурсе, знайте, скорее всего, это Я!

Было время, когда я участвовал во всевозможных литературных конкурсах, но больших высот не добился. Может, оно и к лучшему...

Обычно здесь просят написать хронологию жизни, да будет так! Родился, учился, отдал долг родине, женился, воспитываю маленькую дочурку. Живу и работаю в Самарской области. В общем и целом, я счастлив!

Питаю любовь к мистике и эзотерике. Черпаю вдохновение из музыки, литературы и природы.

Можно долго «лить воду» и восхвалять мои труды (а иначе это не назвать), но все это будет бесполезно. Чтобы понять, о чем мое произведение, его, прежде всего, нужно прочитать.

Эта книга – мой первый серьезный проект. Надеюсь, Вам понравится!

Я могу расписать свою биографию на пять страниц, но зачем? Я обычный человек с не совсем обычной фантазией :-). Хотите познакомиться поближе? Всегда готов! :-)

Мои контакты:

E-mail: 19892607@mail.ru

VK: <https://vk.com/id38003353>

Twitter: <https://twitter.com/Sayrus19892607>

Послесловие: Хочу сказать СПАСИБО музыкантам, друзьям, родным и близким, а так же всем тем, кто так или иначе повлиял на мое творчество и на создание этой книги в частности. Без вас, ничего бы не вышло!

СНОВИДЕЦ

«Писатель, который живет во сне...»

Сон 1. Знакомство

Он шел по белому песку, нагретому так, что не спасали даже старые, рваные кеды. Слева шумели волны бирюзового моря, справа стояли стройные ряды кокосовых пальм. Над головой прокричала чайка и растворилась в бездонном голубом небе. Было жарко, пот заливал глаза, от чего все вокруг расплывалось и принимало неестественный вид. Не спасал и легкий ветер с моря.

Человек брел по пустынному пляжу, пытаясь понять, где он находится и как здесь оказался. Он не помнил, как его зовут, кто он, чем занимается по жизни. Да и где живет, тоже не знал.

В голову приходили мысли о кораблекрушении и авиакатастрофе. Но никаких следов подобных происшествий он не обнаружил. Да и в самолет в таком виде могут не взять. Старая куртка из коричневого коже заменителя, зеленый шерстяной свитер, весь в затяжках. Джинсы, бывшие синего цвета, теперь вылиняли, а кое-где виднелись дыры. Старые кеды на босу ногу, с протертыми носами. Он остановился, чтобы прислушаться. Где-то там, впереди, за изгибом береговой линии звучала музыка, а значит, были люди. Человек хотел побежать, но ноги разъехались, и он упал на песок, выронив из куртки тетрадь с черной обложкой и простой карандаш. Ветер шелестел страницами то плавно их переворачивая, то пытаясь вырвать совсем.

Человек поднял тетрадь, на первой странице была одна небольшая запись:

«Я устал. Устал от всего. От себя самого, прежде всего устал. Не помню, кто сказал, что „если хочешь изменить мир, сначала изменись сам“. А как? Я долго над этим думал, и единственный вариант, на который пал мой выбор, заключался в изменении путем перерождения. А для того, чтобы родиться вновь, надо умереть. Есть два пути. Физический, но надо долго ждать, прежде чем я достигну способности что-то менять, и неизвестно, сохранится ли желание. Моральная смерть самая простая. Вокруг меня уже ходят толпы людей, которые мертвы внутри. Вот только жизнь в них зарождаться не торопится. Им и так хорошо. А я не могу. Я стал другим. Я как бы умер наполовину, стал таким, как они. Но я осознаю это, а, значит, еще живу. Мне надо умереть до конца. Стереть свое старое Я, погрязшее в зависти, лени, жажде наживы. Очистить разум и душу, чтобы поместить в себя нового человека. Я отрекаюсь от своего имени, дома, друзей и близких. Я уже никто и еще никто. Я – Писатель. И буду называть себя так, пока не найду себе нового имени. Все, что я писал до этого, хлам. Мусор, завернутый в кричащую обложку: „Купи меня, купи! Я все равно не принесу тебе пользы, потому что ты меня не поймешь!“ Черт! Да я и сам толком не понимаю, о чем писал. Поддался веянию моды. Погнался за деньгами, превратившись в средство для воспроизведения чужих идей. Может, я когда-нибудь вернусь, но это буду уже другой я. А пока, меня нет. Впереди новая жизнь и новый я...»

Он дочитал свою «предсмертную записку», когда ветер снова принес обрывки музыки.

Писатель (теперь он хотя бы знал, чем он занимается), поспешил на звук. Он бежал, сжимая в руке тетрадь. Но поворот не становился ближе. Пальмы сменяли друг друга, на песке возникали новые предметы, камни, ракушки, водоросли, обломки деревьев. Писатель уже решил, что стоит на месте, когда пальмы неожиданно расступились, и его глазам предстала невероятная картина.

На белом лежаке молодая девушка потягивала коктейль. Красный купальник, темные очки, светлые волосы, выбивающиеся из-под бежевой шляпки. Она так смаковала напитком, что у Писателя потекла слюна. Бронзовое тело блестело в солнечных лучах, видимо обильно смазанное кремом для загара. Вокруг девушки пританцовывали смуглые юноши с гитарами, бубнами и кастаньетами. Всего шестеро.

– Девушка! Девушка, извините, пожалуйста! – на ходу кричал Писатель, пытаюсь привлечь к себе внимание особы. Музыка стихла. Девушка приподнялась на локти, грозно посмотрев поверх очков на того, кто посмел прервать ее идиллию.

– Ты кто такой? – вскрикнула девушка, но было заметно, что ругаться она не умела, поэтому суровость вышла очень наигранной. Музыканты сделали шаг в сторону возмутителя спокойствия, словно сторожевые псы, ожидающие команду.

– Писатель... – растеряно представился мужчина.

– Какой писатель? Вы что, с ума сошли? Убирайтесь немедленно отсюда! И не вздумайте портить мой сон! – продолжала ругаться бронзовая нимфа.

– Я не знаю, какой. А идти мне некуда, может и есть, да я не помню. Я вообще не знаю, как здесь оказался! Вы сами-то кто? С корабля или самолета? Сейчас всех потерпевших так встречают? – Писатель сел на горячий песок, сложив ноги в позе лотоса.

– Я не потерпевшая! Я медсестра. Я, между прочим, в реанимации работаю. У меня ночное дежурство, но пока все тихо, я сплю. В коридоре за столом. Устала я. А этот остров мне снится! Это мой остров, и испанцы тоже мои, я это выдумала! – девушка спустила ноги на песок, закрыла лицо руками и зарыдала.

– Так, мы что, в Испании?

– Нет! Мы в Таиланде!

– А откуда в Таиланде испанцы?

– Да какая тебе разница? Испанцы, значит испанцы! Мой сон, что хочу, то и делаю! Господи, свалился на меня еще один писатель! Что вам, медом намазано?

– Здесь есть мой коллега? – оживился Писатель.

– Да не здесь! А в реанимации! Привезли вчера одного. Документов нет, лицо и руки обожжены так, что узнать нельзя. Зато тетрадка черная, где...

– Где он говорит, что имени у него нет и называет себя писателем, – он перебил рассказ, после чего извлек из куртки ранее обнаруженную тетрадь и протянул девушке. Хлопая мокрыми ресницами, она перечитала запись.

– Но как это может быть? – уже спокойно и даже виновато произнесла девушка. – Как вас зовут? Мы разыщем родственников и...

– Да не помню я. Ничего не помню.

– Ну да! Понимаю. Черепно-мозговая травма, сильные ожоги лица и рук. Вас рабочие нашли в колодеце. Все думают, вы бродяга. Решили погреться и залезли в колодец, где тепло-трасса проходит. Там какая-то железка сгнила, а вы на нее наступили. Вот вас паром и окатило. Благо, упали на дно. Если б зацепились за что-нибудь, могли свариться заживо. А так, может, еще выживете.

– А что я делаю в вашем сне?

– Не знаю, мне работа часто снится. Вы извините, я накричала на вас. Просто работы много, на отдых нет ни времени, ни денег, вот и приходится во сне мечтать. – Девушка виновато покраснела.

– Получается, я без сознания?

– Правильнее сказать, в коме. Но не беспокойтесь. Вы в хорошей больнице.

– Да уж, и на том спасибо.

Писатель перевел взгляд на море. Все-таки цвет был потрясающим. В голову пришла мысль, что если он придет в себя, обязательно напишет об этом рассказ, а может, даже книгу. Его размышления прервал странный звук. Казалось, он доносится не с какой-то стороны, а сразу со всех. Огромный невидимый звонок.

– Ой! Это меня! Извините, мне надо встать! Вы не переживайте, я о вас позабочусь! – голос девушки звучал отдаленно, словно она стояла на другой стороне оживленной улицы, хотя на самом деле была в нескольких метрах от него.

– А мне – то что делать?

– Постарайтесь прийти в себя! – Девушка начала растворяться, словно пустынный мираж, а ее слова эхом доносились откуда-то сверху.

– Легко сказать! «Приди в себя!» Знать бы еще, где он этот я! – неожиданная усталость навалилась на Писателя, и, откинувшись на спину, он заснул...

Сон 2. Лесник

Он пришел в себя от громкого звука. Была ночь. Упругие струи дождя больно били по оголенным частям тела. Сверкнула молния, после чего раздался оглушительный раскат грома. Гром его и разбудил. Во время очередной вспышки, Писатель успел немного оглядеться. Он был в лесу. В обычном смешанном лесу. И ни пляжа, ни пальм уже не было. Зато была старая дорога, почти заросшая травой. Писатель шел в темноте, разглядывая путь лишь во время коротких вспышек молнии. Было холодно. Он вспоминал остров, девушку, испанцев. Не верилось, что они, действительно, были. А может, это сон? Может, он просто лежал без сознания, пока его не привели в чувство дождь и гром. Но он по-прежнему не помнил, кто он.

Во внутреннем кармане куртки лежала все та же тетрадь. Он ощущал ее, но проверил, чтобы знать наверняка. Его совершенно не волновало, куда идти. Если этот лес настоящий, то дорога его куда-нибудь да выведет. Да и дождь рано или поздно кончится. А если это очередной сон, то и вовсе волноваться незачем. Размышления о будущем прервались, когда между деревьями мелькнул свет. Он свернул с дороги на узенькую тропу. Свет становился все ярче.

Еще пару шагов, и перед ним предстал небольшой деревянный дом. Писатель уже подошел к приоткрытой двери, когда в спину уперлось что-то холодное.

– Стоять! Кто такой? – раздался мужской голос.

– Писатель, – дрожащим голосом ответил он.

– Что? Опять? Да сколько можно? Или ты врешь? Давай полное имя, клуб и прочее.

– Я не помню.

– Как это?

– Скажите, а это сон?

– Ты что, меня за идиота держишь? Я ща шмальну, и будет тебе вечный сон. Кому сон, а кому реальность.

– Значит, все-таки сон.

– Слышь, писатель, достал ты меня! Или говори, кто ты, или я за себя не отвечаю! – ствол больно уперся в позвоночник.

– Я Писатель! Я в коме лежу! У меня, кажется, амнезия. Я, правда, ничего не помню.

Не стреляйте, пожалуйста.

– Ха, ну ты фрукт! Значит, то, что ты писатель, ты помнишь? А как зовут, не знаешь?

С кем ты тут? – голос звучал приглушенно из-за шума дождя.

– Да я и этого не помню! Так написано в тетради! Я, на самом деле, сейчас не здесь, а в реанимации в коме! Понимаете?

– Повернись, только медленно.

Писатель начал плавно поворачиваться через левое плечо. Он увидел высокого мужчину. Насколько позволяла ночь, разглядеть удалось, что в руках у него был автомат, одет в плащ, с накинутым капюшоном, полностью скрывающим его лицо.

– Руки не опускать! Где твоя тетрадь?

– В куртке.

– Расстегни замок, только смотри без глупостей!

Писатель так же медленно расстегнул куртку. Ему даже не пришлось доставать тетрадь. Она сама почти выпала. Мужчина резким движением вытащил ее, но прежде чем открыть, топнул ногой, после чего дождь прекратился. Страницы вспыхнули белым светом, и голос писателя стал зачитывать записку. Автор стоял с поднятыми руками, не веря всему происходящему и одновременно осознавая, что это, действительно, сон.

– Ладно, верю! Пошли в дом, – опустив автомат, скомандовал человек в плаще. Дом, снаружи казавшийся хижинкой лесника, внутри был настоящим дворцом. Хрустальные люстры свисали с потолка, украшенного фресками с изображением святых. Помещение было наполнено мягким теплым светом. Он отражался от янтарных стен, позолоченных дверей и мебели с дорогой обивкой.

– Пошли к камину! Согреемся! – хозяин прошел через комнату, не снимая сапог, оставив на лакированном паркете шлепки грязи. Возле камина находились два кресла с маленьким журнальным столиком, на котором стояли две чашечки кофе. Плюхнувшись в кресло, хозяин снял капюшон. Теперь его лицо скрывала маска с прорезями для глаз.

– Неудобно как-то, мокрый я и грязный – смутился писатель, глядя на кресло.

– Хочешь, я тебе табуретку сделаю? – засмеялся хозяин и щелкнул пальцами. Секунда, и Писатель оказался в кресле напротив него.

– Значит, ты не в курсе, что с тобой происходит?

– Частично.

– Ну, ты находишься в моем сне. Меня, кстати, можешь называть Лесник. Ты играл в компьютерные игры? В такие, где реальные люди играют друг против друга. Как думаешь, много было бы желающих воплотить эти игры в реальность? Конечно, люди соревнуются в гонках и даже стреляют друг в друга шариками с краской. Но все это не то. Не хватает реальности,

понимаешь? Бои гладиаторов – одно из первых воплощений виртуальных игр. Они собирали толпы людей, а все из-за чего? Людям нравится смерть. Любовь к ней длится ровно до тех пор, пока не наступит их очередь. Ты попал в одну из игр. Есть глобальная сеть Интернет, а есть еще более глобальная сеть сновидений. Ты даже представить себе не можешь, какие это возможности. Ведь сны видят даже те люди, которые про интернет и не слышали.

– А если человек не видит снов?

– Глупости! Все видят сны. Просто некоторые из них не запоминаются. Сновидения – это моя профессия. Таких, как я называют, Сновидцами. Я не просто вижу сны, я их создаю. Это непростые сны. Они осознанные.

– Для чего это все?

– Пообещай мне, что если ты когда-нибудь вернешься, то напишешь об этом книгу?

Писатель задумался, но потом кивнул. Решив, что он ничего не теряет.

– Это бизнес. Да, все просто. Всему виной деньги. У меня во сне есть все – он указал рукой на роскошную обстановку. – Но что бы видеть сны, мне надо спать, есть, пить и пребывать в спокойствии. У меня очень удобная работа. Мне платят за сон. Чем больше я сплю, тем богаче становлюсь. Конечно, у меня есть свои обязательства перед заказчиками, но все хлопоты окупаются сполна.

– Заказчики? Тебе заказывают сны?

– Именно! Как я уже говорил, это игра. Стрелялка. Люди стреляют друг в друга, режут, бьют. И все по-настоящему. Но во сне. В большинстве случаев дело обходится ранениями. Человек получает ранение и выбывает из игры. Просыпается живым и здоровым. Хотя, бывали случаи, когда игроки перестали осознавать иллюзорность всего происходящего. Они возвращались в реальность с настоящими ранениями. Не обошлось и без смертей. Но спрос от этого меньше не стал.

– А почему ты в маске?

– Анонимность. Одно из главных условий игры. Ты тот, кто ты есть, в реальной жизни, но во сне ты можешь стать кем угодно. Если человек обратился ко мне, значит, он жаждет адреналина и крови. Можно сказать, что это новое средство от стресса.

– Если за это надо платить? Тогда что здесь делаю я?

– Вопрос! Но сдается мне, ответ на него только один. Ты, сноходец. Ходишь по чужим снам. Не спрашивай, зачем. У тех, кто делает это осознанно, свои интересы. А ты – жертва обстоятельств.

– И что мне делать?

– Хочешь, жди, пока я проснусь, хочешь, иди дальше. Если умеешь. Я, конечно, могу тебя выкинуть, но раз ты находишься в коме, ни к чему хорошему это не приведет. Оставайся. Будешь моим гостем! Мне надо отлучиться. Я скоро вернусь.

Лесник ушел. За окнами снова полил дождь. Писатель смотрел на огонь в камине и размышлял обо всем происходящем. Неожиданно он понял, что начинает забывать тот пляж, на котором оказался впервые. Пальмы, испанцы, девушка. Все принимало расплывчатый образ. Он подумал, что терять такой сюжет – непростительная глупость, и стал записывать в тетрадь все, что с ним произошло. Речь шла о встрече с Лесником, когда за окнами прозвучал выстрел. В ответ раздалась автоматная очередь. Некоторое время было тихо, но потом все повторилось. Выстрел, и очередь. В дом вбежал окровавленный Лесник, на ходу перезаряжая автомат.

– Слышь, Писатель!?! Кажись, закончилась наша встреча, ты уж не обижайся. Но конкуренты меня и здесь достали. – Дверь открылась, и Лесник выпустил в нее весь рожок, после чего упал на пол.

– Беги, Писатель! – прошептал Лесник, захлебываясь кровью, а потом исчез, оставив после себя бордовую лужицу. В дом вбежали какие-то люди с оружием. Писатель хотел что-

нибудь сделать, но не смог. Усталость поглощала его. Он засыпал, чтобы проснуться в очередном сне...

Сон 3. Пропась

Солнце проникало сквозь закрытые веки. Чувство, когда ты уже не спишь, но глаза еще закрыты. Нега! Вот только, судя по ощущениям, лежал Писатель не в мягкой постели, и даже не на старом жестком диване.

– Интересно, а сейчас я где? – подумал он. Ему было интересно и страшно одновременно. Кожа ощущала тепло солнца и легкое дуновение ветра. Лежать было не очень удобно, и Писатель решил открыть глаза.

Он лежал на зеленом лугу, среди трав и цветов. По небу медленно плыли кучевые облака, подгоняемые ветром, несущим в себе сладковато-терпкий аромат. Должно быть, так пахли цветы. Писатель поднялся. Цветущий луг был окружен с трех сторон черными, словно выжженными, деревьями. Заходить в этот мертвый лес ему не хотелось. Утренняя роса белой дымкой поднималась кверху. Туман, висевший белой пеленой, расступился, и писатель увидел город.

Городской шум казался ему музыкой. Писатель побежал. Звуки становились ближе, он уже смог различать строения и машины, когда луг неожиданно кончился. Вместо него в земле зиял огромный разлом. Пропась без конца и края. Слева и справа бездна простиралась до самого горизонта. Писатель побежал направо в надежде, что пропась закончится или он найдет мост. Бежал он долго. Солнце палило в полную силу. Оно словно хотело сжечь человека, бросившего вызов пропасти. И он все-таки достиг края. Вот только заканчивалась пропась все тем же мертвым лесом. Писатель отважился войти в него, но попытка не увенчалась успехом. Деревья и сами ветки, были покрыты острыми шипами, которые издали были незаметны. Они впивались в кожу, оставляя жгучие кровотокающие раны. Обливаясь потом, почти теряя сознание, Писатель упал на траву. Он думал, стоит ли идти в другую сторону? Что если там тоже лес?

Писатель смотрел на город, как на спасительный остров. Некое чувство шептало, что ему надо туда попасть. Где-то там есть ответы на вопросы. Впрочем, все ответы есть и в тетради. Он добился того, чего хотел. Стер сам себя. Но он верил. Верил и надеялся попасть по ту сторону пропасти. Писатель поднялся и, насколько мог, быстро пошел в другую сторону. Под ногами шелестела трава. Время от времени он слышал, как вниз срываются комья земли. А город жил в своем ритме. Маленькие фигурки людей суетились на пыльных улицах. Автомобили, стоявшие в пробке, возмущенно гудели, выкидывая в атмосферу выхлопные газы, отчего прозрачный смог над городом имел серо-синий оттенок. Писатель иногда чувствовал запах пыли и бензина.

– Там грязно, шумно и нечем дышать. Но я хочу туда, – думал Писатель, глядя на остров цивилизации. Он не стал даже подходить, когда увидел, что пропась снова кончалась стеной мертвого леса.

– Кому снится этот чертов сон? – в сердцах крикнул Писатель, но крик растворился в иллюзорном пространстве сна.

Писатель сел на траву и достал тетрадь. Он перечитал записи о новой жизни, знакомстве с медсестрой и встрече с Лесником. Всмотрелся в глубину городского муравейника. Ему хотелось крикнуть, позвать на помощь, но он знал, что все это бесполезно. И стал писать.

«Я сижу у края пропасти, словно у могилы. Кто автор этого сна? За что он так со мной? Впрочем, он может и не знать о моем существовании. Я всего лишь крупинка среди миллиардов снов. Возможно, этот сон видит кто-то из жителей города. Но что будет дальше? Сколько еще он или она будет спать?»

События не заставили себя ждать. Противоположная сторона пропасти начала осыпаться. Камни срывались и до этого, но теперь это был настоящий обвал. Тонны породы летели вниз, пропась подбиралась к городу. Писатель попытался встать, но не смог. Некая сила прижала

его к земле. Единственное, что он мог делать, это смотреть. Пропась замерла у самого города. Писатель видел, как люди подходят к краю и смотрят в бездонную глубину.

– Что вы делаете? Не стойте там! Бегите! Спасайтесь! – мысленно кричал Писатель, но люди не слышали его. Они толпились разноцветной стеной, сами того не зная, что заглядывают в глаза собственной смерти. А потом случился обвал. Люди падали медленно, словно кто-то хотел, чтобы они осознали все происходящее. Писатель плакал, но даже слезы не мешали видеть этот ужас. Вслед за первыми жертвами в бездну стал погружаться и весь город. Улица за улицей исчезали в черной пасти хищной пустоты. Бурое облако пыли висело на месте города, когда Писатель смог двигаться. Пыль оседала на одежду, траву и тетрадные страницы.

«Он исчез. Его больше нет. Я хочу верить в обратное, но не могу. Все случилось на моих глазах. Если этот сон снился кому-то из жителей города, то почему я еще здесь? Должен быть кто-то еще. Мне кажется, когда осядет облако пыли, я увижу на той стороне злого гения, придумавшего все это. Я чувствую, как он смотрит на меня. Он меня видит! Боже, он меня видит!»

Писатель всматривался в толщу взвешенных частиц, пытаясь разглядеть, что там впереди. Когда облако рассеялось, никакого злодея там не было. Лишь узкая зеленая полоска травы, за которой высилась серая стена сухого леса.

И никого больше – только он, лес и пропасть. В голове еще крутилась мысль, когда сознание снова покинуло его.

Л

Сон 4. Поезд

Тишину взрывая грохотом колёс,

Света дня не зная, он гонит паровоз.

Жар хмельной да снов дым – к чёрту тормоза!

Огоньком недобрым горят его глаза.

(с) Mordor – Машинист

Холод. Первое, что испытал Писатель, когда пришел в себя. Он лежал на грязном полу пассажирского вагона. Ветер разносил старые газеты, врываясь в разбитые окна. Людей не было. С трудом поднявшись, Писатель взялся за поручень, покрытый сажей. Обернувшись, он увидел дверной проем. На темных полосах рельсов отражался бордовый свет заходящего солнца. Тяжелые тучи сгущались над выжженной землей. Казалось, чем сильнее возростала паника, тем громче стучали колеса. Он шел по вагону, разглядывая пустые плацкарты. В вагоне было много личных вещей, свидетельство того, что пассажиры здесь все-таки были. Складывалось ощущение, что в спешке они просто забыли взять одежду, сумки, книги. В тамбуре лежала мягкая детская игрушка, напоминающая медведя или собаку. Писатель переходил из вагона в вагон и везде наблюдал одно и то же. Выбитые окна, разбросанные вещи и слой сажи.

– Похоже, я единственный пассажир этого поезда, – фантазия рисовала безрадостную картину. Что если машиниста тоже нет? И поезд несется сам по себе. Он открыл дверь вагона-ресторана и замер. Между столов стоял человек и рылся в куче пустых бутылок.

– Прости, пожалуйста! – окрикнул его Писатель, отчего человек вздрогнул и выронил одну из бутылок. Черная спецодежда, отвертка в нагрудном костюме. Все указывало на то, что он не пассажир, а один из членов персонала. Человек был очень худым. Лицо и руки перепачканы сажей, из-под черной кепки виднелись седые волосы. Глаза ввалились вглубь потемневших глазниц. Сухие потрескавшиеся губы дрожали, словно боясь произнести слово. Писатель стоял в нерешительности, и человек сам пошел к нему. Казалось, у него не гнутся колени. Он приблизился к Писателю почти вплотную и медленно дотронулся до его лица.

– Человек! Живой человек! – прохрипел он, и прозрачная слеза скатилась по грязному лицу. – Пойдем! – мужчина схватил Писателя за руку и потащил через состав, двигаясь быстро и ловко, словно это не он минуту назад был похож на живого мертвеца.

Писатель еле поспевал за проводником. Нет, он не знал наверняка его профессию, но если судить по тому, как двигался этот человек, можно было смело сказать, что этот поезд он знает как свои пять пальцев. Его внешность немного пугала Писателя.

– Наверное, примерно так выглядел Робинзон Крузо, когда встретил Пятницу. Черт, сколько едет этот поезд, если он так рад увидеть живого человека? И где все пассажиры – роились мысли в голове Писателя. Одно лишь слово крутилось в голове: «Живой!». Вероятно, пассажиры не просто покинули поезд, если, конечно, вообще покидали.

Они почти бежали. Писатель постоянно спотыкался о разбросанные вещи. Один раз вагон качнуло слишком сильно, и, зацепив ногой большую дорожную сумку, Писатель рухнул на пол, приложившись головой о нижнюю полку плацкарты. Проводник протасил его несколько метров, пока не обернулся.

Писатель разбил левую бровь. В глазах темно, голова кружится, а этот «зомбиподобный» гражданин продолжает тянуть его за собой.

Проводник одним движением поднял Писателя с пола. Резкий запах пота, сигарет и перегара подействовал на него лучше всякого нашатыря.

– Пойдем! Пойдем скорее!

– Куда? – не выдержал Писатель, все еще жмурясь от боли.

– К машинисту! И помощник его там! Как же хорошо, что я тебя нашел, ты ведь даже не представляешь!

– Да куда уж мне, – буркнул Писатель, и они снова двинулись вперед. – Зато машинист точно есть! – подумал он, перешагивая через очередную кучу хлама. Пройдя еще два вагона, проводник остановился. Спрятав бутылку водки во внутренний карман кителя, он внимательно посмотрел на Писателя.

– Дальше придется лезть, – сухо произнес проводник и открыл дверь тамбура. Писатель потерял дар речи. Он не верил своим глазам. Состав был прицеплен к паровозу. Проводник карабкался по открытому вагону, груженному углем. Ноги уверенно ступали по черным булыжникам. Он обернулся, протянув руку Писателю. Вагон был ниже пассажирского, и Писатель отказался от помощи, но, поднявшись, понял, что без нее не обойтись. Над их головой простирался черно-белый шлейф пара и дыма. Он резал глаза, пробирался в легкие терпкой горечью, не давая дышать. Но проводник этого не замечал и спокойно шел дальше. Преодолев расстояние между вагоном и паровозом, он молча смотрел на спутника. Писатель смотрел вниз. Там с бешеной скоростью пролетали рельсы, по которым громко стучали колеса. Он представлял, что падает в это промежуток, и тонны железа перемальвают его в фарш, куски которого будут разбросаны на десятки километров. Проводник призывно вытянул правую руку. Отступив на несколько шагов, Писатель рванулся вперед. Может, ему не хватило скорости или камень ушел из-под ноги. Он все-таки сорвался вниз, но жилистые руки проводника успели его схватить. Втащив попутчика на крышу, он стал спускаться в будку машиниста. Сделать это оказалось намного проще. Сбоку от двери имелась лестница. Проводник скрылся за тяжелой железной дверью. Писатель спустился по лестнице, встав на узкую подножку в тот момент, когда поезд входил в поворот. От крена дверь распахнулась, и горячий воздух вырвался из будки наружу. Писатель вошел в тот момент, когда проводник передавал машинисту бутылку. Слева от двери, сидя на железной табуретке, привинченной к полу, спал третий член экипажа. Черная кепка была опущена на глаза, одна рука свисала вниз, в другой зажат стакан с темной жидкостью. Вытянутые ноги плавно качались в такт движению поезда.

Машинист – высокий худощавый мужчина. Черная спецовка была изъедена мелкими дырами. Кожа покрыта сажей. Он выглядел как проводник или как спящий в углу коллега. Но что-то его отличало от них. Писатель не сразу понял, что это были глаза. Если у проводника они были тусклыми, точнее сказать, безжизненными, мертвыми, то у машиниста они горели жизнью. Но Писатель никак не мог определить их цвет.

– Где Ваш билет? – прервал его размышления голос машиниста.

– Что, простите? – шум паровоза глушил звуки, словно пропуская их через вату.

– Билет, говорю, твой где? Где ты сел и куда едешь? – машинист навис над самым лицом Писателя, обдавая его лицо уже знакомыми ароматами сигарет, перегара и нечищенных зубов.

– Я не знаю, – честно признался пассажир.

– Отлично! Еще один ничего не знающий и не понимающий идиот! Поздравляю! Будешь четвертым! Помощник, налей гостю и кочегару освежи! – распорядился машинист, хлопнув Писателя по плечу.

Проводник, оказавшийся помощником машиниста, дрожащими руками разлил водку по трем грязным стаканам и, как было велено, разбавил черную жижу в стакане кочегара. Машинист открыл топку, осветив будку светом адского пламени. Кинул несколько лопат угля и закрыл скрипучую дверцу. Свет пропал, но когда машинист повернулся, пламя бушевало в его глазах. Он опрокинул стакан и занюхал засаленным рукавом. Писатель тоже выпил, обдав нутро жгучей горечью теплой водки. Кочегар по-прежнему спал.

– Так ты говоришь, Писатель? О чем пишешь? – спросил машинист.

– Не знаю, как объяснить. Если коротко, то я записываю сны.

Машинист замолчал, загадочно улыбаясь, а потом неожиданно разразился вспышкой гнева:

– Я вот тоже ни черта объяснить не могу! Едем мы едем, а уголь с водой не кончаются. Нет ни городов, ни станций! Даже пассажиров нет! Откуда ты взялся? На ходу запрыгнул? – он тряс Писателя за грудки. – Семафоры не горят, ты понимаешь! Не горят! Что делать, Писатель? А?

– Думаю, вам надо проснуться, – неуверенным сдавленным голосом ответил Писатель

– Что? – машинист ослабил хватку, обжигая его огненным взглядом.

– Понимаете, вам, точнее нам, все это снится. Надо проснуться, и кошмар закончится.

– Что за бред? Один сон не может сниться всем сразу!

– Уверю, что может.

Машинист хотел что-то сказать, но его отвлек стук падающего стакана, который выпал из рук спящего кочегара. Он отпустил писателя. Подошел к кочегару и стал его будить.

– Эй! Вставай! Вставай, я тебе говорю!

От сильной тряски с головы кочегара слетела кепка, обнажив белок закатившихся глаз. Машинист отшатнулся.

– Мост! Я вижу мост! – закричал помощник.

Оставив мертвеца, машинист подошел к окну.

– Че стоишь? Карту давай! – крикнул он на помощника.

– Так нет у нас карты.

– Как это нет?

– Вы ее сами выкинули три дня назад. Без пользы мол, все равно ориентиров никаких, лишь поля голые.

Машинист завыл.

– Как? Как мы теперь узнаем, где мы?

В будке воцарилась тишина.

Мост приближался. Ржавый металл перил чернел на фоне свинцового горизонта.

Машинист о чем-то спорил с помощником, мертвый кочегар продолжал раскачиваться, сидя на железной табуретке, Писатель молча смотрел в окно. Он первым заметил, что у моста нет опор. Перилла лишь создавали видимость, между ними была пустота.

– Эй, вы! Посмотрите! – он прервал спор напарников.

– Твою то мать! – машинист дернул рычаг тормоза, но было понятно, что остановить такую махину он не успеет.

Недолго думая, помощник выпрыгнул из будки, кувыряясь по обгоревшей земле.

– Давай за ним! – кричал машинист.

– Зачем? – улыбался Писатель.

– Сдохнешь ведь, придурок!

– Это просто сон, – ответил Писатель и зажмурил глаза. Состав летел в пропасть. Пламя вырвалось из топки, поглотив машиниста и Писателя. Они уже не чувствовали боли, когда последний вагон достиг дна.

«Смерть – это всего лишь пробуждение, а оно не всегда бывает приятным!»

Сон 5. Рай

«Я готов умирать сто раз, чтобы вновь и вновь возвращаться сюда». Карандаш скрипел по испачканной сажей странице. Воздух, насыщенный запахом цветов и меда, дурманил Писателю голову. Ему не хотелось описывать последнее приключение, но он знал, если этого не сделать, все забудется.

Высокие стройные березы о чем-то шептались, купаясь в ярко-бирюзовом небе. Писатель снял кеды, чтобы пройтись по сочной зеленой траве. Утренняя роса приятно холодила ноги. Выйдя из березовой рощи, он спустился в небольшой овраг, где протекал прозрачный холодный ручей. Писатель испил воды. По-прежнему не помня, как его зовут, он точно знал, что ничего вкуснее еще не пробовал. Птицы пели песни, купаясь в прохладном воздухе. Он шел по зеленому лугу, наслаждаясь природой и покоем, когда его окрикнули. Обернувшись, Писатель увидел человека. Его одежда ослепляла своей белизной. Волосы золотились, словно нимб. Человек улыбался. Было ощущение, что он не касался травы, плыл над ней.

– Здравствуй! Я провожу тебя! – мягкий голос звучал легко и спокойно.

– Куда?

– Туда, куда ты идешь.

– Но я не знаю, куда иду.

– Это неважно. Нам с тобой по пути.

– Кто ты?

– Я – Ангел.

Он взял Писателя за руку. И они поплыли над лугом, вдыхая сладостный запах цветов. Они миновали луг, который кончался утесом. Вид, открывшийся с него, поразил Писателя. Он увидел золотой город, окруженный морем цветов. В городе были люди, одетые во все белое. Они смеялись. Ангел снова вел Писателя, погружая в пеструю скатерть цветущего луга. Чарующая музыка звучала над этим оазисом. Солнца не было, свет исходил от трав, цветов, одежд и стен. Писатель шел за Ангелом по золотой лестнице, ведущей вверх. Им улыбались люди. Музыка становилась все громче. Лестница закончилась большой круглой площадью с фонтаном в центре. Розовые струи насыщали воздух приятным ароматом. Ангел наполнил золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, и протянул Писателю.

– Выпей!

– Что это?

– Вино.

– А вино разве не грех?

– Здесь нет греха! Это же Рай! Раз есть, значит можно! – посмеялся Ангел. Писатель сделал глоток. Приятное тепло разлилось по телу, и они пошли дальше.

Вся площадь была заполнена людьми. Они уважительно расступались перед Ангелом и его спутником. Над площадью высился огромный замок. Как и все в этом городе, он сиял золотом. К замку вела длинная лестница. Тяжелые двери замка распахнулись. Широкий просторный коридор был разделен двумя рядами круглых колонн, поддерживающих высокий потолок. Своды потолка были украшены фресками, на которых изображены белокрылые ангелы в окружении святых. Они смотрели сверху вниз живыми глазами. Писатель даже как-то вжался, ощущая на себе тяжесть взгляда. Ноги его утопали в мягком ковре с таинственной

мозаикой узора. Коридор заканчивался аркой, занавешенной нитями с хрустальными шариками. Ангел развел сверкающие струи, и приятная мелодия разлилась по коридору. Огромный сверкающий зал открылся взору Писателя. Стены, пол и потолок были украшены золотом и драгоценными камнями. Богатство туманило рассудок. В центре находился трон с распростёртыми ангельскими крыльями, на котором восседал крупный мужчина в белом одеянии, расшитом золотыми нитями. Корона, словно нимб, светилась над его головой. Вокруг трона было много женщин. Писатель не мог их посчитать. Запахи духов пьянили его. Их было очень много. Каждая держала в руках либо подносы с едой, либо с выпивкой. Мужчина нежился на троне, купаясь в любви и внимании прелестных женщин. Заметив гостей, мужчина сошел с трона. Ангел склонил голову, встав на одно колено. Мужчина поспешил поднять его, при этом уронив корону. Не заметив потери, он направился к Писателю, протянув большую, крепкую руку. Писатель заметил, что, несмотря на свой вид и положение, мужчина был добр и весел. Лысая голова смешно бликовала в золотистых лучах.

– Привет! Ты кто? – голос мужчины звучал одновременно громко и спокойно.

– Писатель.

– Настоящий? – удивился он.

– Ну, наверное.

– Класс! А я... – мужчина обернулся, взглянув на женщин, и понизил голос до шепота. –

Они зовут меня Хозяин, но, по-видимому, с кем-то путают. Я сижу и боюсь, что придет настоящий Хозяин, а тут я на его месте. Ужас!

Писатель понимающе кивнул.

– Да ты проходи, не стесняйся! Угощайся! Ешь, пей, жуй... – Хозяин громко засмеялся.

Он уже не казался таким большим и серьезным. Теперь это был обычный мужчина средних лет. Его серые глаза напоминали две маленькие пуговицы. Мужчина поднял корону и осторожно надел на голову. Писателя окружили девушки. Брюнетки, блондинки, рыжие, русые, каждая из которых хотела угодить гостю. Писатель принимал дары, расплываясь в сладкой истоме. Он тонул в этом океане запахов, вкусов и женских тел. Очередной сорт вина искрился в золотом кубке Писателя, когда над его ухом раздался вкрадчивый голос Хозяина.

– А может, он все-таки не придет?

– Кто?

– Ну, Хозяин. Тот, что настоящий!

– Конечно, не придет! Это же твой сон! Ты и есть Хозяин.

Мужчина несколько секунд удивленно смотрел на собеседника.

– Сон?

– Ага, – вино пришлось по вкусу Писателю.

– Что же мне делать?

– Да делай что хочешь! Только не просыпайся...

Сон 6. Клуб

Тысячи лет

Он готовил свой сет,

И сейчас он сверяет свой микс

По движенью планет.

(с) Mordor – DJ Voorda

Стоя на слабо освещенной улице, он словно чего-то ждал. «Все, что должно произойти, случится само собой. Без моего участия», – Писатель встал под желтый свет фонаря и достал тетрадь. От нее еще пахло духами и вином. Что-то было не так.

«Меня тревожит некое чувство вины, и я никак не могу понять, почему. Ведь сон был чужой, а, значит, я не виноват. Мало ли кому что снится, так что ж теперь, каждый раз себя за это осуждать?» – писатель задумался. Наверное, недавно прошел дождь, на тетрадь упало

несколько капель воды, да и асфальт был мокрым. Но думал он не о дожде, а о том месте, где был совсем недавно. Мысли текли одна за другой, увязываясь в общий поток размышлений, пока не появилась мысль, нашедшая отклик в сердце.

«Меня обманули! Это был не Рай! Алкоголь и женщины, мыслимо ли такое в святая святых? И я поверил! Повелся на грамотно придуманную уловку. Теперь я понимаю, почему меня мучает чувство вины. Я виноват, потому что верил. Конечно, я далеко не образец для подражания в плане Веры. Я не верил и не верю в искренность церкви. Но помню, как много лет назад один старик сказал, что Бог должен быть в душе.

– Чтобы верить, зданий не нужно! – тогда я не понял, что это значит. А теперь, теперь я не понимаю, что со мной происходит. Да, я знаю, что лежу в больнице на грани жизни и смерти. Интересно, чья возьмет и когда это случится? Это я еще ада не видел, если в раю такое творится, что же там? Но, скорее всего, этот рай принадлежит только своему Хозяину. Ведь это был всего лишь его сон».

Размышление прервал скрип железной двери здания напротив, выпустив наружу звуки клубной музыки. В дверном проеме стоял человек.

– Ну вот, кажется, началось, – подумал Писатель и направился в сторону человека.

Им оказался охранник. Он как раз прикуривал сигарету, когда подошел Писатель.

– Здравствуйте! Сигареткой не угостите?

Охранник молча протянул пачку и зажигалку. Сигареты были отвратительны. Горькие, с непонятным запахом. Он закашлялся. Охранник улыбнулся, выпустив струю белого дыма.

– Можно войти?

– Валяй.

– Только у меня денег нет.

Охранник небрежно махнул рукой.

Вспышки цветомузыки слепили глаза. Тяжелый бас давил на уши. Но это несколько не смущало танцующих людей. Бармен не успевал готовить разноцветные коктейли.

Писатель шел через танцпол, стараясь никого не задеть. Некто, похожий на официанта, держал в руках блестящий металлический поднос, на котором стоял всего один стакан, наполненный светло-желтой жидкостью. Человек любезно предложил ему выпить.

Напиток оказался одновременно кислым, сладким и слегка с горчинкой. Писатель сделал всего пару глотков, когда мир начал плыть. Люди двигались то медленно, то убыстрялись до невероятных скоростей.

– Твою – то мать! Что они туда добавляют? – подумал Писатель, и в этот момент сознание снова изменилось. Казалось, где-то взорвалась бомба и по телу пробежала ударная волна. Воздух стал тягучим, словно гель. Музыка звучала глухо, словно весь зал был заполнен водой. Было ощущение, что если вдохнуть сильнее, можно захлебнуться. Прикладывалось немало усилий, чтобы пересечь танцпол. Очень хотелось пить. Он спросил у проходящего мимо парня, где находится туалет, не узнав при этом собственный голос. Высокий бледнолицый юноша со стеклянными глазами указал на дверь в конце зала. Писатель плыл по заданному курсу, пытаясь думать о чем-то конкретном, но мысли текли сами по себе, подобно воздуху вокруг него. С трудом он все-таки добрался до заветной двери. Яркий свет больно резал глаза. Кафельная белизна пола и стен ослепляла. Касаясь холодной стены, он на ощупь отыскивал раковину, жадно всасывая пересохшим ртом живительную влагу. Сердце, до этого готовое выпрыгнуть из груди, стало постепенно успокаиваться. Начали возвращаться привычные ощущения. Он смотрел на свое отражение, слушая стоны, доносящиеся из соседней кабинки. Судя по сладости, это было не изнасилование, поэтому Писатель решил не вмешиваться. Он уже собирался покинуть уборную, когда дверь туалета распахнулась, и внутрь вбежал парень. Его испуганные глаза казались стеклянными шарами, вставленными в белое как воск лицо. Синие губы изогнулись в подобии улыбки, обнажив изъеденные кариесом зубы.

– Помоги мне! – простонал парень, падая на колени.

– Чем? Или в чем? – писатель пытался его поднять.

– Он хочет убить их! Понимаешь? Убить! Всех, кто там! – парень указал в сторону танцпола – Там! Она тоже там! Она погибнет! Понимаешь!

– Нет, – ответил Писатель, глядя в безумные глаза незнакомца. Он понимал, что парень может находиться под действием наркотиков или энергетиков.

– Я покажу! – шептал парень – Я покажу, покажу! – его голос звучал все громче. Схватив Писателя за руку, он рванулся в дверь. Они стояли у края танцпола, глядя на веселящихся людей.

– Вот она! – парень указал на девушку в красном платье. Ее бронзовые локоны качались в такт телодвижениям. В глазах туман, на губах счастливая улыбка. Девушка танцевала не так, как все. Это не она танцевала под музыку, а музыка подстраивалась под ее движения. И свет, розово-желтой дымкой струился вокруг нее. На ее фоне все остальные выглядели безликой серой массой.

– Кто она? – спросил Писатель, восхищенный красотой девушки.

– Моя! Она моя! Я люблю ее! – парень сжал кулаки, и острые костяшки выступили из – под бледной кожи.

– Ты можешь нормально объяснить, что здесь происходит?

– Нормально? Нормально! Все эти люди скоро умрут! Так нормально?

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! В этом есть и моя вина. Я работаю в этом клубе. Несколько дней назад в наш город приехал знаменитый ди-джей. Начальник приказал сделать все возможное, чтобы он выступил у нас. Звезд такого уровня здесь еще не было.

Я приехал к нему в гостиницу. Надо признать, что такие самодовольные кретины мне еще не встречались. Он вел себя так, словно я должен ему ноги целовать только потому, что его высочество позволил себе снизойти до меня, простого смертного. Я уже собирался уйти, когда из моей папки выпал конверт с фотографиями моей любимой. В тот день у нее была фотосессия. Снимки лежали на полу красивым веером. Ди-джей поднял одну фотографию, на которой она была в красном платье. Что-то изменилось в нем в тот момент. Его дерзость улетучилась без следа. Он мгновенно согласился выступить. Единственным условием было, чтобы эта красавица была в зале. И на ней должно быть это же платье. Я, воодушевленный таким поворотом событий, ничего не заподозрил. Мы подписали документы в тот же день. Все складывалось превосходно. Шеф был доволен, девушка в восторге. Мне не составило большого труда уговорить надеть это платье. И все завершилось.

Вчера ночью ко мне пришел человек и принес с собой диск. Он уверял, что на нем записана вся правда об этом музыканте. Я подумал, что это просто псих или какой другой недоброжелатель. Какое мне дело до разборок этого ди-джея? Незнакомец успел оставить диск, прежде чем я закрыл дверь. Дел особых не было, и мне стало интересно, о чем говорил тот человек.

Я вставил диск. Сначала шло выступление музыканта. Ничего особенного: обычный клуб, хорошая музыка, много людей. Я не обратил внимания, что дома становится холодно. Сет был в самом разгаре, когда музыка неожиданно стихла. Видимо, оператор, снимающий выступление, выронил камеру, так как изображение повернулось набок. Я подумал, что видео закончилось. Хотел выключить компьютер, но обнаружил, что полностью парализован. Потом на экране возникла фигура ди-джея. Он спускался в зал, обходя застывшие тела. Мужчины были ему не интересны. Его интересовали девушки. Осматривал каждую так, словно собирался купить одну из них. И он выбрал. Девушка в красном платье с бронзовым цветом волос. Откинув с юного лица прядь, музыкант стал целовать красавицу. Губы, щека, ухо, пока не замер возле шеи. Это выглядело так, словно он что-то шептал ей. Но когда ди-джей вновь показал свое лицо, оно все было залито кровью. Мертвое тело жертвы упало на пол. На шее виднелась

рваная рана. Безжизненные глаза были полны ужаса и боли. Она смотрела в камеру и просила у меня помощи. А я сидел в кресле и не мог даже закрыть глаза, чтобы не видеть этой страшной картины. Музыкант смотрел в камеру, слизывая с губ липкую кровь. Он улыбался, хотя это больше походило на звериный оскал. Это продолжалось всего несколько минут, но в тот момент я был уверен, что прошло не менее часа. Убийца вытер рукавом остатки крови и удалился в темноту зала, плавно обходя застывших людей. Когда он исчез, тела рухнули на пол и съемка прекратилась.

Паралич прошел через три часа после просмотра, но мне все еще было холодно. Эта адская музыка звучит в моей голове со вчерашнего дня. Я пытался объяснить руководству клуба, что со мной происходит. Начальник лишь посмеялся, решив, что я переборщил с наркотиками. Об этом не говорилось в открытую, но каждый знает, что от уборщика до управляющего все употребляют наркотики. Можно нюхать, курить, глотать таблетки, но в меру. Главное, чтобы это не отразилось на рабочем процессе. Только колоться запрещено, шеф этого не выносит. Мне никто не поверил. Утром я пришел в клуб. Вроде все как всегда, вот только степень опьянения и посетителей, и сотрудников была на грани передозировки. Это не люди, а ходячие зомби. Меня не видели и не слышали. Я мог сломать стул о голову любого присутствующего, и он бы не заметил. Позже я выяснил, что наркотик подмешивают в напитки. Такого раньше тоже не было. До выступления осталось очень мало времени. Что мне делать?

Писатель молчал. Если все это правда, то на его глазах должно произойти массовое убийство. С одной стороны, он чувствовал, что должен вмешаться, но с другой, ясно понимал иллюзорность всего происходящего. Но как объяснить это парню?

– У меня есть идея! Только выслушай меня, хорошо? – парень одобрительно кивнул. – Это звучит как шутка, но ты должен мне поверить. Все, что происходит, просто сон. Ты спишь. Твоя девушка в безопасности. У тебя есть два варианта. Или ты проснешься, или выбьешь клыки этому вампиру. Могу тебе помочь, если захочешь.

Несколько секунд парень смотрел в глаза Писателю, а потом схватил стакан с подноса мимо проходящего официанта и разбил его о пол. Поднял один из осколков и провел по запястью левой руки. Кровь темными каплями падала на пол.

– Сон? Это, по-твоему, сон? У меня кровь идет! Мне больно!

– Я знаю, что в это трудно поверить. Это очень реалистичный сон. Но все происходит не по-настоящему.

– Да ты под кайфом! Твою то мать, как я сразу не сообразил! Нашел у кого помощи просить, – парень развернулся, чтобы уйти, но Писатель его остановил.

– Да! Я под кайфом! Потому что какой-то кретин подсунул мне волшебный коктейльчик. Ничего что мы тут с тобой так мило беседуем? Я вообще понятия не имею, как меня занесло в твой сон. Я в коме! И проснуться хочу не меньше твоего.

– Я не верю тебе! – сказал юноша и растворился в толпе. Он возник вновь возле юной красавицы. Хватая за плечи, парень тряс ее, стараясь привлечь к себе внимание. Но все было безуспешно. Опьяненная коктейлем, она продолжала танцевать, выскользывая из рук возлюбленного. Вдруг музыка стихла. Толпа замерла, устремив взгляд в сторону сцены. На залитую желтым светом площадку вышел высокий длинноволосый человек в темных очках. Черный камзол, расшитый золотом, был застегнут на все пуговицы. Музыкант откинул с бледного лица прядь вьющихся волос, и толпа взвыла, приветствуя своего кумира. Улыбнувшись, он резко поднял левую руку вверх, и в зале воцарилась тишина.

– Чему вы радуетесь? – раздался властный голос звезды.

– Вам! Вам! Мы любим Вас! – закричала толпа так, что загудел пол под ногами Писателя. Ди-джей снова взмахнул рукой, и зал стих.

– Вы заплатили огромные деньги, что бы попасть сюда! Хотите получить удовольствие. А готовы ли вы заплатить еще больше?

– Да! Готовы! Сколько? Скажи! – кричала толпа, швыряя в воздух денежные купюры.
– Деньги? Зачем мне эти бесполезные бумажки! А вот жизнь – достойная цена за удовольствие. Готовы ли вы отдать мне свои жизни?

– Готовы! – взревела толпа, требуя начала концерта.

– Сейчас без пяти двенадцать. Я писал эту музыку тысячу лет. Могу себе позволить подождать еще пять минут.

Толпа одобрительно зашумела.

– Справился с пьяной толпой? Доволен? – произнес возникший на сцене парень. В руках он держал блестящий предмет, напоминающий обренок трубы или прута.

Музыкант, улыбаясь, медленно отошел назад.

– Ты никого не убьешь! Понял? Никого! – крикнул парень и бросился на ди-джея, но музыкант оказался проворней. Увернувшись от удара, он столкнул парнишку со сцены.

– Этот безумец хочет лишить вас удовольствия! – кричал музыкант, но толпа его уже не слышала. Бездыханное тело проплыло над головами людей и было выброшено за край танцпола. Писатель не стал подходить, он и так все видел. Смотреть на истерзанное тело дважды ему совсем не хотелось. Музыкант довольно улыбнулся и встал за пульт. Чарующие звуки заполнили клуб. Писатель почувствовал приятное тепло, плавно перетекающее в эйфорию. Он уже не контролировал свое тело. Некая невидимая сила заставляла его двигаться в такт музыке. Она проникала внутрь, отчего все органы приятно вибрировали. Писатель пытался противостоять наваждению, но все было тщетно. Неизвестно, как долго это продолжалось, но когда музыка резко закончилась, танцующая толпа застыла в сплетении жутких поз. Люди напоминали деревья сказочного дремучего леса. Писатель не мог пошевелиться. Ему оставалось лишь наблюдать. Тем временем ди-джей спустился в зал, обходя застывшие тела медленно и плавно. Среди этой серой массы горело яркое пламя красного платья. Музыкант вплотную подошел к девушке. Бледной рукой, отодвинув прядь бронзовых волос с бархатного лица, он глубоко вдыхал дивный аромат ее духов. Когда ди-джей коснулся губами ее шеи, девушка вздрогнула, издав короткий, но мучительный стон. А потом, ее свет стал гаснуть. Она словно начала выцветать, принимая цвета стоящих вокруг людей. Даже платье из красного стало серым, безжизненным. Девушка упала на пол. На ее шее виднелась не большая рваная рана, из которой еще сочилась кровь. Вампир стер с лица остатки трапезы и взглянул на Писателя поверх темных очков. В его глазах была жажда. Звериная улыбка обнажила запачканные кровью зубы. Спрятав глаза за черный панцирь очков, музыкант удалился в темноту клуба, а за его спиной живые скульптуры начали кровоточить. Кровь текла из ушей и глаз, носов и ртов темными ручейками, пока не вытекла вся. Мертвые тела развалились на части, заполняя танцпол фрагментами человеческого тела.

– Я вижу свое тело! Моя голова лежит у собственных ног! Боже, как же это страшно. Но я чертовски рад, что это всего лишь сон...

Сон 7. Ад

– Уважаемый! Вы меня слышите? Проснитесь, пожалуйста, будьте так любезны! – настойчивый гнусавый голос звучал над ухом Писателя. Ему почему-то совсем не хотелось открывать глаза. Он уже знал, что не увидит ни больничной палаты, ни людей в белых халатах. Запах был не тот. Пахло потом и пылью. А еще было очень душно.

– Нет, ну вы посмотрите, он издевается! Товарищ Писатель, встаньте уже! Не дурачьте меня!

– Так и заставят ведь встать! – подумал Писатель и открыл глаза. Над ним висело сиреневое небо с плывущими по нему фиолетовыми облаками. Ветер пронес над лицом конфетную обертку.

– Ну ничего себе креатив! – произнес он вслух.

– О, проснулся-таки! А я уж переживать начал, не случилось ли чего? Как Ваше драгоценное? Может, хотите чего? – сутился невысокий полный мужчина. Писатель встал. Оказалось, что «колобок» почти в два раза ниже ростом.

– Сейчас бы водочки.

– Я бы рад! Рад, но не могу! Не потому что не хочу, я, наоборот, хочу, а не могу, потому что нету!

– А пива?

– Уж простите великодушно, но пива тоже нет! И сигарет!

– А что есть?

– Есть молоко, йогурты там всякие и прочие молочные и кисломолочные продукты! Хотите?

– Нет уж, спасибо! Я молоко терпеть не могу.

– А придется! – карлик сунул руки в карманы пиджака, и в тот же миг за спиной Писателя возникли два здоровенных амбала. Один схватил его так, чтобы тот не мог пошевелиться, другой открыл ему рот и стал заливать туда молоко из грязного металлического ковшика. Теплая белая жидкость текла по пылающему пищеводу.

– Достаточно! – скомандовал карлик, и здоровяки отступили.

Писатель упал на колени, пытаясь освободить желудок.

– Не пытайтесь! Ничего не выйдет. Мы знаем, что вы не переносите молоко. Осталось подождать, пока оно подействует, – с довольным выражением лица карлик потер ладони.

– Что за хрень здесь происходит? Кто вы? И где я нахожусь?

– Разве вы еще не поняли? Я буду обращаться на Вы. Хорошо?

– То, что это очередной сон, я уже понял. Зачем вы напоили меня молоком?

Карлик ответил не сразу. Сложив руки за спиной, он несколько раз прошелся из стороны в сторону.

– Да, вы правы! Это сон! Пока сон! Что касается вопроса «Где Вы?», отвечаю: – Вы находитесь в аду. Соответственно, мы – черти. То, что происходит с Вами после употребления молочных продуктов, мягко говоря, неприятно. Причем как Вам, так и окружающим. Это отличный способ доставить неудобство, не так ли? За грязный ковш не обижайтесь, мы не могли его не испачкать. Надеюсь, Вы нас понимаете.

Писатель смотрел на карлика с такой ненавистью, что тот отшатнулся, изобразив на лице гримасу ужаса. А потом он и два гоблина рассмеялись.

– Нет, ну надо же, а? Глаза? Вы видели эти глаза? – карлик давился от смеха. – Да ничего вы не видели! Придурки! Он же к вам спиной стоял! – смахнув слезу, черт пытался отдышаться. Карлик вплотную подошел к Писателю. Его лицо уже не выражало страха или смеха, теперь это был гнев. Маленькие глазки буравили Писателя, словно два металлических штыря. Тот, в свою очередь, смотрел на коротышку сверху вниз, еле сдерживая улыбку, и только желудок предательски урчал.

Вдруг карлик начал увеличиваться в размерах. По мере того, как он рос, одежда трещала по швам. Кожа лопалась на его теле, обнажая другое, настоящее тело. Глаза налились кровью, огромные желтые клыки возникли на месте ровных и белоснежных зубов. Лобная кость затрещала, освобождая винтообразные рога. Слизь текла с покрытого шерстью тела. Земля скрипела под тяжестью его копыт, а когти на руках сияли металлическим светом. Черт издал протяжный рык, обдав Писателя ароматом прогнившей плоти. Молоко и так давало о себе знать, но после такого представления он не смог сдержать рвотный позыв. Когда он окатил копыта вязкой пахучей жижей, двое, стоявших позади него, испуганно вздрогнули. Они тоже изменили свой внешний вид, приняв облик огромных мерзких свиней, что, однако не мешало им выглядеть жалкими и напуганными.

Черт взревел, мышцы его напряглись. Он был готов наброситься на Писателя в любой момент, но события развернулись иначе. Не желая дышать зловонным ветром, вырывающимся из пасти черта, Писатель подобрал ковшик, из которого не так давно пил молоко, и, хорошенько размахнувшись, ударил монстра в челюсть. Черт, явно не ожидавший такого поворота событий, отшатнулся назад, но, поскользнувшись на содержимом писательского желудка, рухнул на землю, при этом сломал правый рог. Здоровяки поспешили на помощь к своему начальнику, но тот поднялся быстрее.

Злость кипела во всем его существе.

– Ты! Ты будешь гнить в самых глубоких ямах! Будешь вариться в самых горячих котлах, ты...

– Да не ори ты! Дышать уже нечем. Забрызгал тут слюной все, шагу ступить некуда. Баран однорогий. – Черт, явно ошалевший от такой наглости, медленно ощупал рога. Глаза расширились, когда рука дотронулась до сломанного рога. Обернувшись, монстр увидел обломок. Вопль злости и боли прокатился по чертогам ада.

– Навсегда здесь останешься! Слышишь? Навсегда!

– Стесняюсь спросить, а с каких это пор рядовые черти решают кому, где и сколько быть? Мне кажется, такими делами заведует кое-кто повыше? – Черт задыхался от ненависти, пытался что-то сказать, крепко сжимая в руке обломок рога. Он пыхтел, широко раздувая ноздри. От напряжения на свином рыле выступил мутно-белый пот, а в воздухе запахло едкой кислотой.

– Мы все равно будем тебя ждать! Слышишь? Ты находишься между жизнью и смертью, но твое время еще не пришло. Мы умеем ждать, и поверь: обязательно дождемся! – хрипел черт, пуская густую желтую пену.

– Ну, это еще далеко не факт! Дальнейшую судьбу моей души будет решать страшный суд. – Писатель вызывающе щелкнул языком, что привело черта в еще большее бешенство. Хвост извивался как у разъяренной кошки, кулаки сжаты до хруста костей.

– Глупец! Ты даже не представляешь, что тебя ждет, окажись ты в аду!

– Глупец – это ты, а я уже в аду! Хватит пустословить, проводи уже свою экскурсию! Ты ведь здесь для этого?

Черт стиснул кривые зубы, отчего пена разлетелась в разные стороны.

– Иди за мной! – прорычал слугитель ада.

– Нет, давай ты вернешься в состояние маленького злобного чебурашки, а то от тебя воняет так, что мухи дохнут.

– А это не я! Это ты! Ты создал этот образ в своей голове, а я просто его принял.

– И каков твой настоящий облик?

– Все зависит от фантазии человека, но чаще всего я выгляжу примерно так.

– Понятно. Но ты меняйся, меняйся. Я жду.

Черт стал уменьшаться в размерах. Обратная процедура сопровождалась ужасным звуком, напоминающим хруст или треск. И через пару секунд перед Писателем снова стоял карлик, лысый и безобидный.

– Как же теперь с одним рогом? – усмехнулся Писатель.

– Починят! – обиженно буркнул черт, убирая в карман пиджака сломанную гордость.

Они шли по выжженной земле, при каждом шаге поднимая клубы пепла.

– Куда мы идем?

– В город.

– В аду есть города?

– Здесь все есть. Только, как правило, это вам не нужно.

Писатель шел, глядя себе под ноги. Через какое-то время он заметил, что пепел стал светлее.

– Ноги жжёт.

– Город близко, – сухо отозвался карлик.

Некогда теплый ветер становился все горячее, принося с собой запах серы и горелого мяса. Писатель смотрел себе под ноги, когда возникла грязная стена каменных джунглей. Безжизненные скелеты домов смотрели на четверку пустыми глазницами окон. Серый. Этот цвет был везде. Земля, стены, асфальт. Разные тона одного цвета.

Внимание Писателя привлек возникший на горизонте столб пыли. Черная, маленькая точка, поднявшая этот шлейф, приобретала очертания автомобиля. Огромный, черного цвета внедорожник мчался по пустынной улице адского города. Машина преградила путь компании, остановившись с пронзительным свистом тормозов. Солидного вида человек вышел из внедорожника.

– Мужик! Продай мне че-нить, а? – обратился он к Писателю.

– Мне нечего продать!

– Ну хоть что-нибудь! – взмолился мужчина, падая на колени. Он кидал к ногам Писателя пачки денег, которые доставал из-за пазухи и карманов. Теперь его вид был далеко не солидным. Строгий костюм оказался мятым и засаленным, белая рубашка грязной, а туфли покрыты толстым слоем грязи. Его внешность менялась настолько стремительно, что Писатель впал в некое оцепенение. Когда он пришел в себя и наклонился, чтобы подобрать деньги, вместо купюр оказались сухие дубовые листья. Они рассыпались при малейшем прикосновении. Позади стоявшего на коленях человека дорогой автомобиль покрывался пятнами ржавчины. Стекла хрустели от появления трещин, колеса спускались. Человек рыдал. Слезы текли по заросшему щетиной лицу. Когда Писатель вновь наклонился, из его куртки выпала тетрадь. Мужчина вцепился в нее костлявыми пальцами.

– Продай! Продай мне ее! Верни мне себя, пожалуйста! Пожалуйста! – хрипел человек.

– Я не могу! Она... она нужна мне!

– Продай! – взревел покупатель.

– Нет! – писатель выдернул тетрадь из цепких рук.

Сплюнув, незнакомец поднялся. Теперь это был тот же лощеный богач, коим был до превращения. Дубовые листья снова становились деньгами. Мужчина небрежно закидывал их на заднее сиденье дорогого авто.

Открыв водительскую дверь, покупатель обернулся.

– Не продашь? – еще раз спросил он.

Писатель отрицательно покачал головой, после чего разгневанный мужчина прыгнул в машину. Взвизгнув шинами, автомобиль унесся прочь, оставив позади себя облако пыли и удивленного Писателя.

– Кто это был? – спросил он у Черта.

– Один из местных обитателей. Ничего особенного. Таких здесь много. Разница в том, что он попал сюда не так давно. Никак не смирится со своим новым положением. Хотя, по правде говоря, никто не смирился.

– По правде? Что есть правда в устах Черта?

– А у Вас есть выбор?

Писатель огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого, но как нарочно не увидел ничего подходящего.

– Субботники вы тут проводите что ли?

– О! Есть такие, кому и уборка кажется адом! – черт ехидно засмеялся.

Писатель еще раз осмотрел пустынную улицу. Было жарко. Идти совсем не хотелось, но и стоять на месте тоже. Вдохнув горячий воздух, он побрел дальше. В городе царил истинно мертвая тишина.

– Где все? Что за ад без грешников?

– Твой ад – твои условия!

Писатель остановился.

– Хорошо! Тогда я тебя задушу! – он протянул руки к Черту, и самодовольная ухмылка мгновенно исчезла. Как-никак в кармане покоился сломанный рог.

– Ладно, ладно! Чего ты хочешь?

– Что здесь происходит?

Черт насупился и щелкнул пальцами. Мгновение, и улица заполнилась людьми. Это напоминало фильм ужасов. По улице бродили мужчины и женщины. Богатые и бедные. Некоторые напоминали живых мертвецов. Их тела разлагались под палящим солнцем, источая тошнотворный запах. Они говорили, пели и стонали. Кричали и плакали. Кто-то шел с бесчувственным выражением лица, натываясь друг на друга. Тысячи ног поднимали пепел и пыль, отчего становилось тяжело дышать. Чья-то липкая рука схватила Писателя за плечо. Обернувшись, он увидел дряхлого старика. Одежда его была изорвана. Седые волосы скрывали лицо.

– Пить! Я хочу пить! – прошептал незнакомец пересохшими губами.

Писатель оттолкнул его, и толпа унесла старика, подобно горному потоку. Черт снова щелкнул пальцами, и люди замерли. Они больше походили на восковые фигуры, чем на живых людей.

– Ну, как?

– Жутко...

– А мне нравится! Так на чем мы остановились?

– Что здесь происходит? – задумчиво напомнил Писатель, разглядывая застывшие тела.

Черт устало выдохнул, бросив скучный взгляд на одно из тел.

– Тот тип на дорогом авто очень богат. У него есть все. Деньги, машины, яхты, женщины. Но пару дней назад в сауне, будучи изрядно пьяным, в разговоре со своим другом он случайно обмолвился одной фразой: – «Все вокруг жалуются, что у них нет денег. Они вопят, что это ад. Но они не знают. Не знают! Настоящий ад – это иметь деньги. Я не боюсь их потерять. Даже если у меня отберут все, или деньги потеряют свою цену, я всегда смогу заработать еще. Я боюсь, что однажды мои деньги перестанут брать. Не спрашивай, почему. Это просто мой страх. Мой маленький, персональный ад!»

Стоит ли говорить, что в сауне, помимо бизнесменов, бандитов и проституток, был кое-кто еще? Мы всегда рядом! Мы везде! Наши сборщики информации контролируют все человеческие страхи. Ты испугался – мы записали. Подумал о плохом – мы это воплотили. Кто-то из вас сказал, что плохое быстрее сбывается! Гениальная мысль, а главное, верная. А знаете, почему? Вы боитесь думать о хорошем! Вы, люди, трусливые, неуверенные в себе, жалкие существа. Можно обмануть один раз, а потом замаливать свой грех до конца дней, но вы врете изо дня в день, по поводу и без него. Вы совершаете убийство без оружия. Ваши слова еще хуже. И это здорово! Нам остается самая малость – направить вас на нужный путь. Дальше все решится само собой.

– Почему ты не продал ему свою тетрадь?

– Она мне нужна.

– Зачем? Ты висишь на волоске от смерти и продолжаешь цепляться за вещи, которые здесь тебе совершенно не нужны.

Писатель задумался над словами Черта, сжимая в руках потрепанную тетрадь. Он медленно пролистал страницы. Исписанные листы были запачканы грязью и сажей, пылью и кровью. Чистые тоже не отличались белизной, но выглядели лучше. Они были готовы принять на себя любой текст. Любое слово. Будь то правда или вымысел, жизнь или смерть. Они готовы, ведь бумага стерпит все. А пока есть чистые страницы – есть шанс на счастливый конец.

– Это и есть тот самый волосок! Продав тетрадь, я продам жизнь!

– Глупец! А если ты ошибаешься? Если эта тетрадь ни на что не влияет? Ты мог заработать деньги!

– Или дубовые листья. . . И зачем мне деньги в аду? Вы все равно сделаете все возможное, чтобы я не мог ими воспользоваться.

– Сделаем! Обязательно сделаем! Вместо денег дубовые листья видят только те, кому он их предлагает, сам же он видит деньги.

– А на самом деле?

– А на самом деле ничего этого нет вообще! Это всего лишь скопление снов. Людям часто снится ад.

– Так, значит, тот бедолага жив?

– Жив! Пока еще.

– А почему листья дубовые?

– Любит он попариться дубовым веником! Это ирония, понимаешь? Времени мало, я должен тебе еще многое показать. Пошли.

Тела снова пришли в движение. Писатель стоял посередине улицы, зажмурив глаза. Ему хотелось проснуться. Но кошмар не заканчивался. Он слышал крики и стоны. Слышал шаги идущих трупов. Они тянули к нему руки. Он знал, что где-то под землей находится настоящий ад. С котлами и грешниками. Жар пламени проходил сквозь тонкую подошву старых кед. А потом земля ушла из-под ног. Он летел вниз, навстречу огню. Ему было больно и страшно. Из всех сил сжимая тетрадь, он старался не открыть глаза. Боль была нестерпимой, когда Писатель лишился сознания. . .

Сон 8. Странник

Писатель лежал в мокрой траве. Наверное, не так давно прошел дождь. Над ним белой дымкой плыл туман. Кожа рук и лица неприятно зудела.

– Ожоги, – подумал Писатель, и дрожь пробежала по телу.

Впервые за все время он осознал, что не видел своего отражения. Писатель поднялся, отчего в глазах потемнело. Туман был гуще, чем казался на первый взгляд. Через несколько шагов его кеды промокли. Белая пелена обволакивала тело. Он ощущал себя абсолютно слепым, но иногда туман расступался, и Писатель мог видеть темно-зеленую траву, покрытую крупными каплями воды. Мыслей не было. Казалось, что туман проник в голову.

Тетрадные листы впитали влагу, отчего текст выглядел слегка размытым.

«Ужас. Это не то, что показывают в фильмах. Об этом не поют в песнях и не пишут в книгах. Попыток много, но они не отражают правды. А что есть правда? Как верить служителю ада, если он делит свои слова надвое? Как верить себе? Нет, это был не ад. Набор картинок различных художников. И все-таки это было страшно. Этот запах горелой плоти будет преследовать меня всю жизнь. Впрочем, я не уверен, что живу. Я уже ни в чем не уверен. Самое страшное, что если после смерти мне придется отправиться в ад, я попаду именно в такой ад. Он засел в моей голове. Теперь это мой ад».

Писатель закрыл тетрадь. Туман рассеялся. Вокруг был все тот же мертвый лес. Деревья тянули свои колючие ветви, словно скелеты хотели затащить Писателя в чертоги ада. Трава исчезла. Теперь под ногами была каменистая тропа. Воздух. Что-то в нем было не так. Писатель шел, разглядывая камни, пока вновь не появился туман. Точнее это было небольшое облако. Подержав в своих мокрых объятиях, оно медленно отпустило Писателя, плавно уходя сквозь колючие заросли. Так повторилось еще несколько раз, пока огромное облако не поглотило все вокруг. Писатель был мокрым до нитки. Ему не нравился этот сон. Он просто куда-то брел. И не было даже малейшего намека на сюжет. Туман снова исчез. Вокруг уже не было леса. Только белое покрывало облаков под ногами и яркое солнце над головой. Писатель смотрел на чарующую красоту, и ему хотелось плакать. Он почувствовал неожиданно навалившуюся

усталость. Тишина. Только облака, солнце и одиночество. Сильный порыв ветра порвал белоснежное покрывало, обнажив черное острие горных хребтов.

– Горы! Я в горах! С ума сойти!

Внезапная радость вызвала в Писателе желание запечатлеть возникшую красоту. Но тот, кто владеет словом, как правило, плохо владеет карандашом. Оставив неуклюжую попытку, Писатель занялся привычным делом.

«Горы. Я никогда не был в горах. Это поистине чудесно. Горные хребты, словно спины огромных китов, виднеются на поверхности океана. Еще дуновение, и облака снова расступились, открыв узкую тропу, по которой идет серая фигура человека...»

– Человек? – прошептал Писатель. – Человек! – голос сорвался на крик, сопровождаемый гулким эхом.

Писатель побежал навстречу, едва не слетев вниз. Высокий старик в сером плаще отрешенно смотрел на приближающегося человека. Морщинистое лицо не выражало эмоций, глаза не имели цвета. Только его молочно-белая борода излучала мягкий свет. Серебристый посох, украшенный драгоценными камнями, не сочетался с нарядом старца.

– Привет, дед! Ты кто? – писатель пытался отдышаться.

Старик молчал.

– Эй! Ты что, глухой?

– Нет. Я слышу, – голос старика звучал мягко и спокойно.

– А почему медлишь?

– Мне некуда торопиться.

– Тебе некуда, но я – то тороплюсь!

– Куда?

– Не знаю! Куда-нибудь! Движение – это жизнь!

– А ты уверен, что живешь? Что касается спешки, ты не приедешь раньше экипажа, в который сел!

– Ты говоришь загадками! Но у меня есть ответ на одну из них. Видишь эту тетрадь? Все закончится, когда будет заполнена последняя страница.

– Ничто не заканчивается. Просто одно становится другим.

– Да ты прям философ!

– Я просто странник.

– И куда ты идешь?

– В конец этой тропы.

– А что в конце?

– Новая тропа.

– И так всегда?

– Всегда.

Они замолчали.

– Могу я пойти с тобой?

– Эта тропа слишком узкая, чтобы идти по ней вдвоем.

– Но я могу идти впереди или позади тебя?

– Тогда эта тропа перестанет быть твоей или моей.

– Что мне делать?

– Ищи свою тропу, – облака скрыли странника. Писатель стоял на вершине, окутанный мокрым паром. Ему казалось, он стоит здесь уже тысячу лет, но когда Писатель рискнул сделать шаг, почва ушла у него из-под ног. Когда облака закончились, он увидел, что летит в небольшое озеро, окруженное мертвым лесом. Полет продолжался всего несколько секунд. Встреча с водой оказалась жесткой. В этот раз своего отражения Писатель так и не увидел...

Сон 9. Тюрьма

Его тащили по темному тоннелю. Он не видел, кто это был, да и не мог видеть. Сознание возвращалось короткими вспышками. Только звук шагов и тусклые лампы. Скрипнула металлическая дверь, и Писателя бросили в камеру. Кто-то склонился над ним, но лицо незнакомца было размыто. Человек произнес слова, но Писатель их уже не слышал. Первое, что он почувствовал, когда пришел в себя, – боль. Ему казалось, что голова вот-вот лопнет, распираемая изнутри неизвестной силой. В глазах потемнело, когда он попытался встать.

– Ты лежи, лежи! Рано тебе еще вставать, – раздался голос слева.

На Писателя смотрели пять человек. Единственным источником света было маленькое зарешеченное окно, расположенное почти у самого потолка. Насколько позволял разглядеть лунный свет, мужчинам было от тридцати до пятидесяти лет. Примерно одного телосложения, простая одежда, бледная кожа. Хотя тот, кто выглядел старше всех, имел подобие строгого костюма. Голова кружилась уже не так сильно. Наверное, тот, кто наклонился над ним в первый раз, решил помочь. Мужчина усадил Писателя на бетонный пол, прислонив спиной к стене.

– Пить, – прошептал Писатель, чувствуя боль разбитых губ.

– С водой у нас дефицит! Извиняй! – сочувственно ответил мужчина.

– Дай ему глоток! – вмешался в разговор хриплый голос, человека в строгом костюме.

В темноте что-то звякнуло, после чего Писателю поднесли мятую алюминиевую кружку. Воды было ровно на глоток, но Писатель успел почувствовать ее солоноватый вкус и запах ржавчины. Желудок возмущенно заурчал, но жидкость принял.

– Где я?

– В тюрьме, – спокойно ответил помощник.

– За что?

– Ха! Тем, кто за дверью, повод не нужен, да, старый? – мужчина в костюме одобрительно закивал.

– Ты помнишь свое имя? Кем работаешь?

– Я Писатель. Имя не помню.

– Все ясно. Ничего нового. Ну, тогда будем знакомы. Я механик, – мужчина вытер грязную руку о черную майку. Писатель ощутил крепкое рукопожатие, не соотносимое с телосложением. Вместе с Механиком и Писателем в камере находились Хирург, Нотариус, Мясник и Банкир по прозвищу Старый.

Никто из них не помнил своих имен. Они не знали, за что их посадили. Попытки Писателя убедить их, что все это сон, окончились провалом.

– Какой же это сон, если мы сидим здесь целую вечность? – проворчал Хирург, потирая ушибленную шею.

– Это незаконно! Вы нарушаете наши права! Немедленно откройте! Вы слышите!?! – кричал Нотариус, стуча кулаком в железную дверь камеры. И его услышали. Дверь открылась, и в камеру вошли двое здоровых парней в военной форме. Дебошира повалили на пол. Лежа в позе зародыша, Нотариус вскрикивал при каждом ударе резиновых дубинок. Избиение продолжалось несколько минут, после чего военные, злобно посмотрев на оставшихся заключенных, удалились прочь, с грохотом хлопнув дверью. Все молчали. Нотариус неподвижно лежал на полу. Хирург решил проверить, жив ли тот, но едва он прикоснулся к телу, Нотариус пронзительно застонал.

– Да, крепко досталось бедняге! – прокомментировал Механик.

– Убил бы, тварей, – отозвался из темного угла Мясник. Банкир молчал.

Нотариус начал приходить в себя. Позже Хирург определил, что помимо синяков, ушибов и кровоподтеков, у него сломаны два ребра.

– Голова болит! Наверное, сотрясение, – стонал Нотариус.

– Было бы чему сотрясаться, ты на дверь бы не кидался! – съязвил Банкир, на что Нотариус обиженно поджал губы.

Писатель дотронулся до разбитого лба. Провел рукой по шершавой стене. Прошелся по холодному полу и попытался допрыгнуть до окошка, когда у заключенных снова сдали нервы. Механик с Мясником вскочили, готовые накинуться на Писателя, но Банкир остановил их. Писатель никак не мог понять, чем Банкир заслужил такой авторитет, но сам его тоже побаивался.

Прошло несколько дней. С момента последнего визита никто не заходил в камеру. Им не давали ни еды, ни воды.

– Это самый длинный сон, – задумчиво произнес Писатель.

– Что? – переспросил Нотариус.

– Сон, говорю, длинный очень. Страшно. Первый раз такое.

Все пятеро молча смотрели на Писателя.

– Да-а-а, видно хорошо тебе по башке настучали, совсем умом тронулся. Сон от яви отличить не можешь. Кретин! – механик ухмыльнулся.

Писатель понимал: бесполезно убеждать кого-то в том, что все происходящее – сон. Он смотрел на пятерых мужчин, стараясь придумать план действия.

– Как вы здесь оказались? – голос Писателя звучал нерешительно, хоть он и старался скрыть волнение.

– Во дурак! Слыхали, нет? Как – как, да как и ты! Через вон ту дверцу! – мясник театральным жестом указал на дверь камеры. – А помогли нам те самые ребята, которые отделали нашего Нотариуса, – Мясник и Механик засмеялись.

– До этого что было?

– Слушай, ты че пристал? Че те надо? – занервничал Механик.

– Да понять хочу. За что нас здесь собрали. И все.

– Тоже мне Шерлок Холмс! – брезгливо сплюнул Мясник.

После воцарившейся тишины первым заговорил Хирург.

– У меня была операция. Черепно-мозговая травма. ДТП. Пациент умер на столе. Мы ничего не могли сделать. Операция длилась двенадцать часов. Я устал. Сил хватило только, чтобы скинуть грязный халат. Добравшись до комнаты отдыха, я сам словно умер. Упал на диван и отрубился. Не знаю, сколько спал, помню, что меня разбудил стук в дверь. Усталость еще не прошла, я был как пьяный. Открыв дверь, увидел двух парней в масках и камуфляже. К нам в больницу часто привозят больших чиновников, криминальных авторитетов, важных свидетелей. Всем им нужна охрана. Как правило, это не рядовые менты, а бойцы спецподразделений. Мысль, что нужно снова вернуться к столу, немного меня взбодрила. Окончательно я проснулся, когда один из них ударил меня ногой в грудь. Я отлетел в дальнюю часть комнаты и даже сразу поднялся. Но, когда попытался сделать вдох, в глазах потемнело, и я снова упал. Они склонились надо мной. Потом один ударил меня дубинкой по голове, и все. Свет погас. А когда я пришел в себя, здесь уже был Банкир и Механик. Нотариус появился позже.

– Сам-то ты как сюда попал? – поинтересовался Мясник.

Писатель, решивший приберечь свою историю, ответил, что упал в колодец и потерял сознание. В себя пришел уже здесь.

Следующим свою историю поведал Механик.

– Я работал в автосервисе. Обычный день. Наш сервис стоит на объездной дороге и, как правило, клиентов немного. Но как только на основной дороге начался ремонт, весь поток машин пошел через нас. От клиентов не было отбоя. Мы стали работать круглосуточно. Большая нагрузка – большие деньги. Все шло просто отлично, пока однажды у ворот сервиса не появился черный микроавтобус. Двое крупных парней, наподобие тех, что отметили Нотариуса, попросили меня посмотреть глушитель, сославшись на то, что он стучит во время езды. Подъемник был занят другой машиной. Чтобы не терять времени, я решил лечь под машину. Но как только наклонился, кто-то из тех ребят ударил меня по голове. Я потерял сознание.

Очнулся в салоне автобуса связанным, с кляпом во рту. Тот парень, что был ближе ко мне, снова меня вырубил. Второй раз я очнулся уже здесь.

– А я собирался выходить из офиса, когда дверь неожиданно открылась. Я не успел рассмотреть, как выглядели нападающие. Меня ударили в лицо. Второй удар пришелся по спине. Все. Потом была камера – вкратце поведал свою историю Нотариус.

Мясник рассказал, что был на работе. Во время перерыва вышел покурить, но не успел чиркнуть спичкой, как потерял сознание. Кто его ударил, он не видел.

Банкир молчал. Все хотели услышать и его историю тоже, но он ограничился еще меньшим, чем Мясник.

– Зашел домой и все. Больше ничего не помню, – Банкир отвернулся, демонстрируя свое нежелание продолжать разговор.

Прошел еще день, прежде чем дверь открылась вновь. Их вывели из камеры, надев каждому на голову черный мешок. Звук шагов эхом разносился по мрачным тюремным коридорам. Писатель ощущал холод упирающегося в спину дула.

– Куда вы нас ведете? – прозвучал сдавленный голос Нотариуса. Его снова били, потом все смолкло. Только эхо шагов. Писатель надеялся, что скорее всего они направляются на допрос, но допрашивают, как правило, по одному. С другой стороны, если этим людям не нужен повод, что бы посадить нас в камеру, может, и суд им тоже не нужен? – от этой мысли по телу пробежала дрожь. Приставленное дуло мгновенно отреагировало на произвольное движение и посильнее уперлось в спину.

Тишину нарушил металлический скрежет. Повеяло подвальным холодом. Звук шагов изменился. Теперь под ногами была земля.

– Допросы уж точно не на улице проводятся. Да и на прогулку не похоже.

Руки, сложенные за спиной, стали затекать. При малейшей попытке хоть как-то размять их, наручники впивались в запястья все глубже и глубже. Плотная ткань мешка почти не пропускала воздух.

– Снимите с них мешки! – властный голос звучал оглушающе. Приказ выполнили мгновенно. Писатель увидел стоящих в одну линию пятерых соседей по камере. Позади них была деревянная стена, украшенная красными пятнами и следами от пуль. Это был не допрос. Это был расстрел. Он медленно обернулся, и ноги подкосились. Позади него такой стены не было. Да и стоял он в отдалении от других, сбоку. Напротив них за высокой трибуной стоял человек. Или что-то похожее на него. Писатель видел костлявые кисти рук, но не видел лица. На его месте, находилась черная масса, похожая на клубок змей. Над массой возвышалась офицерская фуражка, вместо кокарды украшенная маленьким блестящим черепом. Погоны горели золотом, но по ним невозможно было узнать звание. Знаки и символы покрывали их поверхность. По бокам от Безликого (именно так назвал его Писатель) стояли два десятка солдат. Многовато для расстрела пяти человек. Тяжелые бронзовые тучи плыли над тюремным двором, окрашивая пространство в коричневый цвет.

– Я требую адвоката! Вы не имеете права! – закричал Нотариус, корчась от боли.

– Адвокат? А ты давал адвоката людям, которых обирал до нитки? Сколько липовых сделок ты совершил? Скольких стариков обманул? Дома, квартиры, дачи, деньги. Ты брал все, что имело хоть какую-то цену. Что ты готов отдать за адвоката? – тонкие пальцы Безликого вцепились в трибуну, тело подалось вперед.

– Умоляю! Возьмите все, что хотите, только отпустите меня! – Нотариус упал на колени, склонив голову. Слезы текли по его разбитому лицу.

– Встать! – скомандовал Безликий, и Нотариус мгновенно подчинился. – Не нужно комедий! И мне ничего не нужно! Будет тебе адвокат, но не сейчас. Потому что это еще не суд! – брезгливый жест руки, и залп десяти орудий отбросил Нотариуса назад. Безжизненное тело

сползло вниз, оставляя на стене кровавую полосу. Писатель не верил своим глазам. Он уже начинал сомневаться, сон ли это?

– Ты! – Безликий указал на Хирурга. – Что скажешь ты в свое оправдание? – Безликий вновь указал на него. Мужчина зажмурился. Его лицо побледнело. Синие губы что-то шептали.

– Я не слышу? – закричал Безликий, и земля задрожала.

– Я не виноват! Не виноват! Он умер сам! Я сделал все что мог! Все что мог! – выпалил Хирург и поджал губы. После его крика наступила короткая пауза. Писатель неожиданно поймал себя на мысли, что он не верит Хирургу. Не поверил и Безликий.

– Ты прав! Ты сделал все, что смог. Ты был в клубе в ночь перед операцией. Напился так, что в такси тебя грузили охранники. Утром ты не позвонил на работу и не отпросился. Хотя мог. Вместо тебя вышел бы другой врач, и тот бедняга был бы жив! Жив! Но нет, ты не стал этого делать. Показалось, что это слишком сложно оформить больничный. Куда проще припудрить нос кокаином. Да? Ты уже так делал, поэтому бояться было нечего. Но в этот раз что-то пошло не так. Рука дрогнула, и пациент умер. И это не врачебная ошибка. Она только твоя! Твоя ошибка! Ты мне противен! – снова залп, и Хирург лег рядом с Нотариусом.

– Я обманывал покупателей! Скупал порченное мясо, а потом продавал его в детский сад и школу. Да, я негодяй! Давай, убей меня, только не надо глумиться, – Мясник сплюнул.

– Девушка! – Безликий смеялся.

– Какая еще девушка?

– Которую ты убил!

– Я никого не убивал! Это ложь!

– Сколько раз тебе делали предупреждение, чтобы ты не кидал кости в окно?

– Я кормил собак! Потом я всегда спускался вниз. При чем тут какая-то девушка?

– Ты рубил мясо, когда тебе позвонили и отменили очередную поставку гнилья. Потеря денег так тебя вывела, что со злости ты кинул говяжьей костью в открытое окно. Вот только кость попала в голову мимо проходящей девушки. Она прошла еще квартал, пока не умерла в грязной канаве. Полиция решила, что это ограбление. Да, и еще один нюанс, она была беременна. Ты не слышал крика, ведь она глухонемая, – Мясник молчал. Тишину разорвал залп. Было ощущение, что его расстреляли с какой-то особой жестокостью. Голова разлеталась на куски, запачкав кровью стену и близ стоящего Механика. Он стоял и смотрел на лежащие трупы. Взгляд выражал обреченность и смирение. Механик не сказал ничего. Все его раскаяние было в огромных серых глазах. Да и Безликий оглашал его вину без издевки. Ровным, стальным голосом.

– К тебе за помощью обратился человек. На старом запачканном автомобиле. Он жаловался на проблемы с тормозами. Но ты отказал ему, не желая возиться со старьем. Тебе был неприятен и внешний вид самого водителя. Поношенные вещи были для него клеймом. Ты так привык к богатым клиентам, что стал относиться брезгливо к подобным людям. Ты направил его в другой сервис, который был в десяти километрах. Вот только он не проехал и пяти, когда тормоза отказали, и он сбил четырех детей, перебегающих дорогу. Дети были мертвы. Осознав это, мужчина повесился в ближайшей посадке. Ты убил пятерых людей.

В этот раз стреляли неслаженно, и не все пули достигли цели. Но и тех, что попали, хватило. Механик был мертв.

Банкир стоял, широко расставив ноги. Подбородок вздернут вверх. Казалось, что он специально завел руки за спину, демонстрируя свое безразличие ко всему происходящему.

– Ты...

– Заткнись! Я сам все знаю. Из-за меня вешались, стрелялись, резали вены. Я отбирал имущество и деньги. Я спонсировал террористов. Если ты назовешь еще что-то, совесть во мне все равно не проснется! Стреляй! Ну!

– Тебе присудят Ад.

– Да я сам как дьявол! Нашел чем пугать! – банкир улыбнулся, и десять пуль вонзились в плоть. Он падал наигранно медленно. Писателю чудилось, что его поблекшие глаза еще видят бронзовое небо.

Два бойца прикатили большую железную тележку, бросив ее у мертвых тел.

– Теперь твоя очередь.

Писатель вздрогнул, не сразу осознав, что Безликий обращается именно к нему. Солдат освободил ему руки и толкнул к тележке.

– Тебе нужно погрузить тела и провезти их по тропе мертвых, – Безликий указал на каменистую гору, окутанную прозрачной дымкой тумана.

– Но зачем?

– Ты все узнаешь потом, а пока делай, что говорят.

Писатель складывал трупы друг на друга. Тяжелее всего было с Банкиром. Его тело никак не хотело ложиться в телегу. В конце концов, изрядно намучившись, Писатель погрузил-таки последнее тело. Ворота тюремного двора открылись, и в сопровождении двух вооруженных солдат Писатель отправился в путь. Перепачканный чужой кровью, он толкал скрипучую телегу все выше и выше, обливаясь липким потом. Дорога была неровная, и тела то и дело норовили покинуть телегу. Приходилось периодически останавливаться и поправлять.

Позади двое солдат пристально наблюдали за его движениями. Если им казалось, что Писатель тянет время, они били его ногами, тыча в спину стволы автоматов. В такие моменты он ясно чувствовал на губах привкус металла, растворенного в тумане. Писатель смотрел на погибших людей, гадая, когда этот сон закончится. Живы ли эти бедняги? Да и были ли они вообще живые? Может, это просто декорации ко сну одного из солдат? Он не мог знать наверняка. Тележка норовила сорваться вниз, а солдаты только этого и ждали. За своими грустными размышлениями Писатель не заметил, как достиг вершины. Огромное облако холодной влаги окутало его, намочив и без того мокрую одежду. Наверху не было ничего напоминающего место захоронения. Массивные серые валуны, словно зубы великана, торчали из тела горы.

– А дальше что? – спросил он у солдат.

Бойцы толкнули Писателя вперед. Пройдя несколько шагов, он увидел спуск. Извилистая тропа тянулась сверху вниз. Она ничем не отличалась от подъема, разве что была чуть круче.

– Но зачем? В чем смысл таскать эту телегу туда-сюда? – закричал Писатель. – Да, да, да – соглашалось с ним эхо.

Один из солдат выстрелил Писателю под ноги, и ударившаяся о камень пуля со свистом улетела в неизвестном направлении. Тяжело вздохнув, он покатил ненавистную телегу к краю. Как только колеса сорвались с края, Писатель потерял управление. Подпрыгнув на кочке, тележка перевернулась и продолжила свой путь кувырком. Следом за ней по склону горы катились мертвые тела. Писатель пытался задержать падение, стараясь ухватиться за острые камни, но они лишь рвали ему кожу. Он падал целую вечность, пока не достиг подножья горы. Тело болело, голова кружилась. Когда он попытался встать, что-то тяжелое упало на него сверху. Позже он увидел, что это было тело Механика.

– С прибытием! – раздался над самым ухом голос Безликого.

– Зачем ты это устроил? Чего тебе надо? – разозлился Писатель и кинул в него камень. Снаряд угодил в клубящуюся черную массу, пролетев сквозь нее.

Безликий засмеялся.

– Ты спрашиваешь зачем? На что похоже это занятие?

– На идиотство!

– Верно! А точнее, на человеческую жизнь. Человек всю жизнь стремится к вершине, неся груз своих грехов. Ему невдомек, что проще от них избавиться на полпути. Но когда высота достигнута, стоит только оступиться, и грехи утянут его вниз.

– Ты! Это ведь ты сказал, что мне нужно затащить их на гору!

– Да, сказал. И ты решил, что, действительно, должен это сделать. Что такое долг? Вам всю жизнь говорят, что вы кому то что то должны. И вы начинаете в это верить. Вы хотите быть выше друг друга, но не понимаете, что высота всегда одна. А путь вниз разный. Можно спуститься медленно, а можно быстро, так и не ощутив той высоты, на которую так стремились.

– Но меня бы убили твои люди, откажись я от этой затеи.

– И все бы закончилось. Этот сон перестал бы существовать. Что ты видел наверху?

– Ничего. Обычные камни.

– Потому что это была не твоя вершина. Твой путь – это твоя гора. Что будет в конце, то будет и на вершине.

Безликий щелкнул пальцами, и облака над головой стали закручиваться в воронку.

Пыль столбом взвилась до небес, унося с собой камни средних размеров. Земля не просто дрожала, она гудела, перекрывая свист ветра. Когда буря стихла, Писатель увидел пять аккуратных, прямоугольных могил. Безликий приказал положить тела внутрь, и Писатель подчинился.

– Это не так тяжело. Зачем умирать из-за такой глупости? Пусть даже и во сне?.. – Писатель принялся за дело. Механик, Нотариус, Хирург, Мясник. Когда дело дошло до Bankира, он неожиданно ожил.

– Уйди, я сам! – оттолкнув своего могильщика, он сам лег в могилу.

– Но ты же мертв? – недоумевал Писатель, глядя на истерзанную пулями плоть.

– Это всего лишь сон. Давай закончим с этим. Мне вредно долго спать, начинают сниться кошмары, – Bankир улыбнулся, сложил руки на грудь и закрыл глаза.

– Что дальше? Я должен их закопать?

– Это лишнее. Есть средство попроще, – Безликий щелкнул пальцами, и облака снова закрутились в воронку. Могилы исчезали под слоем камней и пыли. Писатель успел увидеть, как один камень разбил Bankиру лицо. Прошло несколько секунд, и уже ничто не напоминало о похороненных людях.

– Ты маньяк! Кем бы ты ни был, на самом деле ты – урод! – Писатель кричал на Безликого. Ответа не последовало.

– Все! Надоело! Я больше ничего не стану делать! Можешь стрелять в меня, сколько захочется, – сев на землю, Писатель обнял колени.

– Как это по-людски: остановиться, когда осталось пройти совсем немного.

– Да что ты знаешь о людях? Ты не человек! Да и на бога не очень-то похож! Как ты можешь судить меня?

Позади Безликого со скрипом открылись ворота.

– Ты свободен!

Писатель недоверчиво посмотрел на тюремщика.

– Я так и не понял, для чего все это?

– А тебе и не надо. Главное, чтобы они поняли. Люди не станут чище сами по себе. Им надо помогать. Но нет четкого определения чистоты. Так возникла война, которая никогда не приведет к миру. У тебя есть сильное и в некотором роде страшное оружие. От того, как ты им воспользуешься, зависит, скольких еще нам придется расстрелять, отправив на страшный суд. Несмотря на то, что на каждого заготовлен свой патрон, нам совсем не хочется использовать их.

Писатель молча поднялся. Не успел он покинуть тюремный двор, как ворота с грохотом закрылись. Бронзовые облака плыли над безжизненной каменистой землей. На горизонте виднелась серая полоска мертвого леса. Писатель обернулся. С высоты ржавой вышки на него пристально смотрел часовой.

– Солдат! Мне нужна твоя помощь! Застрели меня. Пожалуйста! – Писатель рассмеялся. Ему некуда было идти и ужасно хотелось, чтобы этот сон поскорее закончился. Мысль об убийстве пришла неожиданно.

Солдат молчал. Писатель смутно помнил про обязанности часового. В голову пришла еще одна мысль. Он решил спровоцировать часового. Подобрал с земли камень средних размеров, Писатель кинул его в солдата, угодив прямо в каску. Восприняв подобное поведение как прямое нападение, часовой ответил выстрелом, попав Писателю прямо в лоб.

Сон 10. Реклама

*Я не знаю, как мне жить,
Залистал журнал PlayBoу,
А пластический хирург
Крутит у виска рукой...
(с) Театр иллюзий – Про рекламу*

Солнце светило в лицо еще не открывшему глаза Писателю. Он уже ощущал, что находится в душной и пыльной комнате. Лежит на жестком скрипучем диване, а где-то в углу гудит компьютер.

Писатель медленно открыл глаза. Странное ощущение. Он не чувствовал боли. Ему казалось, что голова какбы чешется изнутри. Пуля в голову – отличный способ прервать ненавистный сон, но зуд не собирался проходить. Диван снова скрипнул.

– О-о! Ты проснулся? Я дико извиняюсь, у меня тут не убрано, все как-то руки не доходят! Все работа, работа! О! Чайник кипит! Сейчас кофе будем пить! – худощавый мужчина, средних лет, нестриженный и не бритый, в одних трусах проследовал на кухню. Писатель осмотрелся.

Небольшая комната вмещала в себя диван, два кресла, шкаф для одежды. В дальнем углу – компьютерный стол. Все, абсолютно все было завалено мусором: пивные банки, грязная одежда, коробки от пиццы и супов быстрого приготовления.

– Нормальный, человеческий бардак! – облегченно выдохнул Писатель. Каждый раз, когда он завершал очередную книгу, из его комнаты выгребалось раз в десять больше, подобного мусора. Но и комната у него была побольше этой, пусть и не в десятки раз.

– Ты что-то сказал? – в комнате вновь возник хозяин, держа в руках две большие кружки кофе. – У меня только растворимый. Никогда не понимал, зачем его нужно варить? Закинул, водой залил, и все! Сахар по вкусу! Так нет же, некоторые мучаются!

Мужчина подал Писателю кофе. Кружка давно не мылась, но гость переборол в себе чувство отвращения и сделал несколько глотков мутной коричневой жидкости.

– У меня только сахара нет! А еще денег, машины и девушки! – мужчина засмеялся.

– Скажи, а где я?

– В моей берлоге! Я программист, а это мой инструмент! – мужчина указал на компьютер. – Я вот так, живую общаюсь редко. Ко мне никто не ходит, и я никуда не выбираюсь. Вся моя жизнь – комп!

– А покупки? В магазин же ты как-то ходишь?

– Зачем? Для этого есть интернет! Закажи, и все привезут. Даже за квартиру можно платить. Что мы все обо мне, ты о себе расскажи. Книгу пишешь, да? Я тетрадь твою видел! Есть интересные мысли, можно денежку занять. Знаю один сайт, может, закинем? М?

– Да, пишу понемногу. Но выкладывать еще рано. А это что? – писатель указал на разбитый телевизор.

– Да реклама достала, вот я и... психанул! Ну куда это годится, по всем каналам по сто раз одно и то же! Купите это, купите то! У нас лучше! Прокладки, памперсы и микробы в унитазах! Больше у нас нет проблем! Убил я телек, так в инете то же самое. Я уж и защиту поста-

вил, так нет, лезет зараза такая втихую. И бабы, везде бабы, одна краше другой! Все, если красивая, значит, в рекламу дорога! Общался с одной по скайпу, красивая, вроде неглупая. Все нормально, а потом: бац! Купи, говорит, кроссовки новые! У меня подруга магазин открыла! И понеслось, какие они классные да распрекрасные! Тьфу! – программист закурил. – Все бы ничего. Я сам раньше на рекламе неплохо зарабатывал. Но куда? Куда ее так много? И бабы! Везде! Может, их специально выращивают? Они вроде разные, а присмотришься, копии друг друга. Насмотришься, обозлишься, и такую ненависть начинаешь испытывать ко всему, сил нет! Пишет недавно еще одна. По внешности так далеко не модель, ничего не рекламирует. Вроде и интересы схожие, и много общего, ан нет! Ворочу нос, не нужна мне такая. Мне модель подавай! Вот смотри! – мужчина кинул Писателю потрепанный номер «Плейбоя.» – Глянь какие, а? Что ни страница, то богиня, аж дух захватывает! А сейчас? Вот один из последних! Пара неплохих снимков, а остальное что? Правильно – ре-кла-ма! Что происходит с этим миром?

– Ну, реклама – двигатель прогресса. Вроде как.

– Да какой, нафиг, прогресс? Сплошная деградация! – программист закурил вторую. – И, знаешь, что самое обидное? Есть у меня сосед, хирург пластический, бабы к нему табунами ходят. Я как-то обратился к нему, как мужик к мужику, так, мол, и так, расписал ситуацию, а он посмеялся надо мной и дверь перед носом закрыл! Сволочь! Может, ему морду набить? А?

Наступила пауза. Писатель уже начал привыкать к своему кофе. Попасть в сон одинокого и слегка придурковатого программиста еще не самое страшное, что с ним могло случиться.

– О! Слышишь?

– Нет. А что?

– Каблучки стучат! Опять к соседу краля пожаловала – программист вышел из комнаты. – Че сидишь? Вставай! В гости пойдём!

Писатель поставил недопитый кофе возле дивана и направился следом. Напиток был отвратным по всем критериям, но зуд в голове успокоил. Открыв дверь, программист вышел на лестничную площадку. Вальяжный мужчина лет сорока пяти, одетый в бордовый домашний халат, встречал молодую высокую девушку. Блондинка обернулась в сторону внезапно распахнувшейся двери.

– Богиня! – простонал Программист и выронил кофе. Кружка разлетелась, покрыв волосатые ноги мужчины темными брызгами. Девушка инстинктивно отпрыгнула. В этот момент шпилька на правой босоножке не выдержала и предательски надломилась. Девушка едва не упала, но Программист успел ухватить ее за блузку. Нежный материал треснул, обнажив прелести юной красавицы. Хирург тоже поспешил на помощь гостье, но зацепился поясом за дверную ручку. Халат распахнулся, выставив на обозрение далеко не атлетическое тело. Мужчина покраснел в тон халату, поспешив скрыть наготу.

Тем временем, красавица сняла испорченные босоножки и запустила одну в Хирурга, другой в Программиста. Если первый достиг цели, то второй пролетел мимо, приземлившись в аккурат возле лежащего на полу Писателя. Слезы текли из глаз, живот сковала судорога, вызванная резким приступом смеха. Девушка что-то пропищала, сбегая босиком по лестнице.

– Козлы! – раздалось в темноте, после чего девушка выбежала из подъезда, громко хлопнув дверью.

– Сосед! Ну ты кретин! Кто тебя просил, а? Че ты выперся вообще?

– Я не выперся! Поговорить хочу!

– О чем? Такую девочку мне обломал! Эх!

– Вот скажи мне! Почему к тебе приходят девушки из телека, а ко мне нет?

– Ты что, псих? Ау сосед?! – мужчина засмеялся. – Эх, ладно! Заходи. Я там поляну накрыл, не пропадать же добру.

– Я не один!

– Мне все равно.

Стол ломился от угощений.

– Это для одной девушки? – удивился Писатель.

– Ха, ты даже не представляешь, какой бывает аппетит у этих милашек, – хирург налил себе коньяк и закурил трубку. Программист залпом выпил свой стакан.

– Сосед, ты на вопрос отвечать будешь?

Хирург смаковал трубку, от удовольствия прикрыв глаза.

– Извините, конечно, но вам это работать не мешает? – Писатель приподнял свой бокал коньяка.

– Нет. Я ведь давно уже не оперирую. Открыл свою клинику пластической хирургии. Нанял лучших специалистов. И теперь мне необязательно стоять у стола. – Хирург улыбнулся, выдыхая сизое облако табачного дыма.

– Я думал: такие, как вы, стремятся сделать мир красивее?

– «Мы делаем мир краше!» – лозунг нашей клиники, а «Мы делаем деньги!» – лозунг моего бухгалтера! Ха-ха! В наше время даже самая благородная идея – ничто, если она не приносит прибыль. Когда-то, в самом начале своей карьеры, я искренне верил, что смогу изменить мир. На моем столе лежали люди, изуродованные авариями, пожарами, различными несчастными случаями. Помню, даже была девушка, модель. Завистница, плеснула ей в лицо кислотой! Сейчас это происходит время от времени, но тогда это был нонсенс.

Я был неплохим хирургом. Со временем, ко мне потянулись политики, бизнесмены, артисты, музыканты. В общем, знаменитости всякого рода. Люди, в принципе, нормальные. Острой необходимости в операции ни у кого из них не было. Зато было тщеславие. Страх лишиться своего лица и стать никем. И делал то, что они просили, но не мог того, чего хотел. Ни один скальпель не может сделать красивее душу. Нейрохирург удалит опухоль головного мозга, кардиолог заменит сердце. Но душу никогда. И я устал. Они выходили из клиники свежими и помолодевшими. Их снова любили и боготворили. Но за внешним лоском никто не замечал гнилое нутро.

Однажды после операции я заглянул в бар. У меня была депрессия, и напился я неслабо. Вдруг среди посетителей я заметил девушку. Она была далеко не красавица, но что-то в ней привлекло меня. У нас завязалось знакомство. Пока мы разговаривали, я только и делал, что рассматривал черты ее лица, представляя в уме, что и как можно изменить. Все было нормально, пока не случилась роковая ошибка. Я предложил ей операцию в обмен на проведенную с ней ночь. Знаете, сколько девушек готовы принять такое предложение? Тысячи! Но не она. Ее серые глаза, наполненные обидой и злобой, смотрели сквозь меня. С той самой секунды я стал для нее никем. Пустым местом. Она отвесила мне пощечину так, что чуть не сломала челюсть. Молча встала, и гордой походкой направилась к выходу. Я был взбешен. Как? Как она могла отказать мне? Мне? Лучшему пластическому хирургу этого города! Дура! Она не понимала, от чего отказалась! Эти мысли гудели в моей голове. Причем было не понятно, от водки она гудит или от удара.

Конечно, теперь я понимаю, что была она не по щеке, а по моему самолюбию. Каждый раз, когда в моей постели – очередная модель, эта дурнушка – где-то рядом. Она стала моим личным призраком. Вроде бы ничего особенного не произошло. Девушки и раньше мне отказывали. Но эти глаза. Если честно, то я сам не до конца понимаю, какое именно чувство вызывает во мне ее образ. Страх, отвращение, ненависть, любовь.

Все мои попытки найти ее оказались тщетны.

– А если найдешь? Что тогда? – карандаш Писателя замер над тетрадью.

– Не знаю. Я хочу и боюсь одновременно. Иногда мне хочется упасть перед ней на колени и попросить прощения. Иногда – убить. Растерзать жестоко и беспощадно.

– Сосед, да ты псих!

– Что? А кто здесь нормальный! Твой приятель, возомнивший себя журналистом?

– Он писатель!

– Тем более! Все писатели психи! Или ты нормальный? Когда в последний раз ты выходил на улицу? Когда к тебе приходила девушка? А? Да я каждый день думаю о том, не сдох ли ты? Прислушаюсь порой: а нет, живой, молотит по клавиатуре. Ты на себя-то хоть в зеркало смотрел?

– Я не оскорблял тебя!

– А я буду! Имею право! Потому что ты ничтожество! Да и я! Я, такой весь богатый и знаменитый, тоже есть никто. Я штампуя этих кукол, как конвейер. Это моя личная армия на случай войны с той девушкой. Хотя нет. Знаешь, война уже идет! С того самого момента, как я к ней подошел, я начал атаку. Война идет, и я проигрываю. Прежде всего, сам себе. Ко мне часто приходит мысль, что она обо мне даже не думает. Но я надеюсь, что это не так. Если она меня помнит, значит, все мои мучения не напрасны.

Все молчали. Только тиканье дорогих настенных часов нарушало тишину.

– Может, тебе к психиатру сходить?

– А тебе к сексопатологу, да?

– Я к тебе по-соседски пришел, за помощью, а ты...

– Не буду я тебе помогать. Ты такой же сумасшедший, как и я. Иди в свою конуру. Стучи по клавишам и пускай слюни на мои творения. У нас у каждого своя персональная тюрьма. Из нее нет выхода. Потому что у нас нет срока заключения. И сбежать мы не можем. Не убежишь ты от себя, понимаешь?

– Что же мне делать?

– Иди и смотри свою ненавистную рекламу. Как будто я ее снимаю! Кретин! Да и еще! Если ты хоть один раз посмеешь взломать базу данных моей клиники, я за себя не отвечаю. Ты уже сделал это два раза. Третьего не будет. И не надо делать такие круглые глаза. Тоже мне, хакер самоучка, следы путать не умеешь. Пшли вон оба! Что-то я с вами разоткровенничался. Надо пить поменьше. Ну, че расселись? Валите, говорю, отсюда.

Хозяин вытолкнул гостей за дверь.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – Писатель пожал руку застывшему Программисту. Он обернулся несколько раз, а Программист все стоял на лестничной площадке с отрешенным взглядом.

– Загрузился! – подумал Писатель и, наступив на кем-то оставленную бутылку, полетел в темноту подъезда. Холодный бетон прервал еще один не обычный сон.

Сон 11. Белое платье

Мама, я пришла к тебе во сне.

Мама, я нашла жениха себе.

Мама, завтра процессию встречай.

С ним, пожалуйста, мне передай...

(с) Стационарный смотритель – Белое платье

– Мужчина! Мужчина, вы меня слышите? – вопрошал обеспокоенный женский голос.

– Слышу! – ответил писатель, открыв глаза. – А теперь еще и вижу.

Перед ним на коленях стояла пожилая женщина. Она была одета в домашний халат светло-голубого цвета. Волосы убраны в белый платок. От женщины пахло чем-то печеным. Желудок сразу отреагировал на запах еды и начал громко урчать. Писатель попытался встать, но голова закружилась.

– Лежите! Вы пьяны! И, как выяснилось, еще и голодны! – учительским тоном произнесла женщина. – Когда вы ели в последний раз?

– Я не помню.

– Еще бы! Так набраться! Сведет вас водка в могилу глазом моргнуть не успеете.

– Коньяк.

– Что, простите?

– Я пил коньяк.

– Употребление благородных напитков вам, лично, благородства не прибавит. Что вообще такое благородный напиток? Алкоголь – это, прежде всего, яд! И этикетка здесь совсем не причем! – во время прочтения лекции, женщина то и дело прикладывала к уху телефонную трубку. – Да что ж такое? Как назло, не работает!

– А куда вы звоните?

– Как куда? В полицию, конечно!

– Зачем?

– Как зачем? Вы вломились в мою квартиру. Пьяный. Учтите, у меня нет ни денег, ни драгоценностей! Вы убьёте меня, да?

– Нет, нет! Не волнуйтесь! Я сейчас уйду! Простите меня, пожалуйста, я правда не помню, как оказался у вас.

– А я вам расскажу! Сначала вы устроили пьяный дебош на четвертом этаже. Обидели девушку, после чего в бессознательном состоянии ввалились в мою квартиру. Но зачем?

– Да если б я знал! – Писатель сел, облокотившись на шкаф. Женщина недовольно покачала головой и удалилась на кухню. Она вернулась, спустя несколько секунд, держа в руке бокал внушительных размеров.

– Пейте. Это вода. Должно быть, вас мучает жажда? – женщина протянула бокал Писателю. Холодная вода, словно божественный нектар, наполнила пылающий желудок. В голове прояснилось. Писателю показалось, что вода была слегка сладковата, но он не придал этому значения. Когда бокал вновь оказался у хозяйки, входная дверь скрипнула и медленно открылась. На пороге стояла молодая симпатичная девушка лет двадцати пяти. Русые волосы струились по хрупким плечам. Легкая ткань белого платья трепетала при малейшем движении девушки. Писатель никогда не видел таких глаз. Они были шикарны. Голубые, словно весеннее небо, большие, насколько это было возможно. Если глаза – это зеркало души, то какая она, душа этой девушки?

– Здравствуй, мам! – прошептала гостья и улыбнулась.

Женщина выронила бокал, и осколки разлетелись по всей прихожей. Хозяйка побелела, словно статуя, обеими руками зажав себе рот, с сдерживаемым криком. Девушка вошла в квартиру, перешагнув через сидящего на полу Писателя.

– Мамуль, ты мне не рада?

– Рада дочка! Рада! Но как ты... Ты же...

– Умерла. Да, мам. Но ты не переживай, со мной все хорошо, – девушка положила белую руку на плечо матери. Женщина всхлипнула, и слезы покатались по щекам одна за другой.

– Ты не плачь, мам. Я здесь не просто так. Я пришла сказать, что выхожу замуж.

– Но как? Как это может быть?

– Браки заключаются на небесах. Быть живым совсем не обязательно. Я тебя познакомлю. Входи, дорогой!

В дверном проеме возник огромный бородатый детина. Кожаные куртка и штаны. Бандана с изображением белых черепов, круглые солнцезащитные очки и майка с логотипом рок-группы. Массивная пряжка ремня, выполненная в виде бычьей головы, сверкала в тусклом свете прихожей.

– Здравсте! – прогудел детина и улыбнулся, обнажив большие желтые зубы. Запах, исходящий от мужчины, моментально заполнил комнату. Аромат сигарет и бензина неприятно пощипывал нос.

– Вот мам! Это мой будущий муж. Знакомься. Он Байкер – человек свободы. Я увидела его год назад. В баре, неподалеку от места, где все произошло. Хромированные детали стальных коней сияли в неоновом свете вывески. Тяжелая музыка слышалась снаружи. Внутри же был настоящий ад. Мужчины пили, спорили, кто-то даже дрался. В сумрачном зале стоял туман от сигаретного дыма. А потом я увидела его. Он сидел в углу, за столиком, один. Я больше ничего не слышала и не чувствовала. Просто шла сквозь толпу навстречу своему счастью. Конечно, он меня не видел. Я ведь была уже мертва. Там, снаружи, врач скорой помощи зафиксировал время смерти. Он пил водку и о чем-то говорил сам с собой. Я взяла его за руку, и он замер. Помню, как рюмка замерла возле губ. О, как я была счастлива. Он почувствовал меня. Почувствовал. Никто, никто не обратил на меня внимания, а ведь я даже прошла сквозь нескольких мужчин. И тогда я поняла, что этот великан мой! – девушка нежно взяла руку байкера. Мать молчала.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш разговор, но правильно ли я вас понял? Ваш спутник мертв? – Писатель подобрал под себя ноги.

– Да. Два дня назад он покинул свое тело. Как он был прекрасен в тот момент. Мотоцикл нес его прямо на закат. Пламя заходящего солнца отражалось в его очках. Моросил легкий дождь, и его мокрые волосы развевались на ветру, словно знамя свободы. Я больше не могла молчать. Мне хотелось кричать о своей любви, хотелось, чтобы он увидел меня. И он увидел. Я не знаю, как. Стоя прямо на его пути, я и не надеялась, что это произойдет. Он, приняв меня за живую, резко повернул руль. На мокром асфальте мотоцикл занесло и выкинуло в кювет. Мой любимый умер быстро. Благо, он никогда не надевал шлем. Надень он его в тот раз, и его большое и сильное тело осталось бы навечно приковано к кровати. Он был как большой ребенок. Нет, не было ни страха, ни истерики. Он смеялся. Стоя у собственного тела, мой муж ухахатывался, словно ему только что рассказали смешной анекдот. Когда я спросила, над чем он смеется, он ответил, что никогда не чувствовал себя лучше, чем сейчас.

Женщина смотрела то на дочь, то на ее спутника.

Тишину момента нарушил Писатель, который неожиданно чихнул.

– Ой, ну что же мы стоим? Проходите на кухню, я как раз чай заварила.

– Вы идите, а мы покурим, – протрубил Байкер и, присев на корточки, протянул сигарету Писателю. Они закурили, наполняя квартиру едким дымом.

– Каково это, умереть? – спросил Писатель.

– Все зависит оттого, где, когда и как ты умер. Я доволен. А есть те, кто совсем не рад. Мы с ней навечно останемся призраками дорог. Каждый раз в день своей гибели мы будем появляться на дороге. И если кто-то нас увидит, значит, настало и его время, – Байкер затаился. На кухне мать и дочь накрывали на стол.

– А я боюсь умереть.

– Значит, так надо. Когда это случится, тебе не будет страшно.

– Чай готов! – раздался голос женщины.

– Я, наверное, пойду. У вас тут семейное застолье...

– Нет! Оставайтесь. Я настаиваю, – тон девушки просто обезоруживал.

Они сели. Писатель сделал глоток, но обжег язык. Ожидая, пока чай остынет, он начал делать заметки. Слова ложились одно за другим. Он сидел за столом в компании призраков и пожилой женщины, но его там не было. Писатель перешел в совсем другое пространство. А потом что-то зазвенело, и он словно проснулся, но очнувшись, понял, что по-прежнему сидит за столом.

– Завтра в десять часов утра вынос тела. Процессия двинется от байк клуба и пройдет по «моей» улице. Встретишь их там. Я хочу, мам, что бы ты положила в гроб мое свадебное платье. Какая же невеста без платья, верно? Ты только не плачь. Все будет хорошо. Да все уже хорошо. Не забудь, мам, в десять.

Они прощались, крепко обняв друг друга. Байкер смотрел на них поверх очков, слегка улыбаясь.

– Ну, что, давай и мы прощаться? – огромная ладонь поглотила руку Писателя. Суставы шелкнули от сильной хватки, и Байкер поспешил освободить руку.

Писатель и Хозяйка молча наблюдали за отъезжающим мотоциклом. Звук мотора был слышен еще какое-то время, а потом и вовсе затих.

– Вот и все! Снова она меня покинула, – женщина смотрела в ночное окно, стараясь услышать звук мотора. Писатель не знал, что сказать. Он чувствовал, что надо как-то утешить ее, но не мог подобрать слова. На бумаге это всегда легко, а вот в жизни все по-другому. Язык онемел, в горле пересохло. Писатель повернулся к столу, чтобы допить свой чай, но как только сделал шаг, пол разверзся под ногами.

Сон 12. Случайный свидетель

Бетон превратился в серую липкую массу. Было невозможно дышать. Тело жгло, словно тысяча пчел жалила одновременно. Он болтал ногами, пытаясь упереться во что-нибудь, но понял, что нижняя часть тела уже освободилась от липкого бетона и теперь болталась в пустоте. Писатель еще какое-то время повисел, а потом бетон ослабил свои объятия. С грохотом он приземлился на полу кухни, опрокинув при этом стул.

– Кот! Опять ты бесишься? – раздался женский голос из глубины квартиры.

– Да черт с ним, любимая! – ответил мужчина.

Женщина что-то то ли промычала, то ли простонала, но Писатель понял, что они слились в поцелуе. На столе еще горели свечи, отражаясь в хрустальной вазе с цветами. Бутылка красного вина и два недопитых фужера. В центре стола – еще горячее, но неначатое блюдо, приятно пахло жареным мясом. На подоконнике, как на троне, восседал огромный, пушистый кот серого цвета с ярко-желтыми глазами.

– Кот, привет! – прошептал Писатель, пытаясь подняться как можно тише.

– Ну, привет, – ответил кот, не сводя взгляда с непрошенного гостя.

Писатель на мгновение застыл. Все же не каждый день встретишь говорящего кота. С другой стороны, почему бы и нет? Он же во сне, а здесь чего только не бывает.

– А там кто? – все так же шепотом спросил Писатель.

– Хозяйка. С новым ухажером.

– С новым? А старый где?

– А я почем знаю. У нее каждый день новый, да и она мне не докладывает.

Страстное дыхание любовников стало громче. Женщина истомно постанывала и что-то пыталась сказать, но мужчина целовал ее, не позволяя словам срываться с губ.

– А почему ты меня не боишься? Я ведь чужой.

– Он мне тоже не родня. Да и чего бояться? Ну, подумаешь, выпал из потолка, да я чего только не насмотрелся. Когда один – в дверь, другой – в окно. Иногда аж смех берет, ей-богу. Был случай: мужик всю ночь в шкафу просидел. Как в бородатом анекдоте. Мало того, он еще и уснуть умудрился. Хозяйка его еле добудилась.

– Да-а-а! Прямо так и хочется твою хозяйку словом неприличным назвать.

– Вот только не надо, не надо. Она у меня как кошка, со всеми и не с кем.

– Это как?

– Как как. Спит со всеми, а любит одного меня, – кот демонстративно зевнул, прищурено глядя на собеседника.

Писатель улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но кот его опередил.

– Ну вот! Кажется, наши голубки наворковались. Ты, это, спрячься под стол, что ли. А то если он тебя увидит, хозяйке моей несдобровать.

Писатель съежился под столом и замер. Четыре ноги медленно шлепали по линолеуму: две волосатые, кривые, с размером стоп не мене сорок шестого, и две стройные, гладкие и очень миниатюрные. Писателю захотелось даже прикоснуться к женскому телу, но кот шикнул, дав понять, что лучше этого не делать. Они открыли холодильник и долго гремели содержимым в поисках чего-нибудь прохладительного. Женщина, словно бабочка порхала вокруг мужчины, а он как сонный медведь издавал короткие звуки. Она встала на цыпочки, и Писатель услышал звук поцелуя. Но мужчина ни как не отреагировал на ее старание. Окончательно сдавшись, женщина выдохнула и отправилась обратно в спальню. Мужчина закрыл холодильник, покурил и пошел следом. Они говорили вполголоса, но Писатель не расслышал ни слова. А потом мужчина собрался и ушел. Теперь курила женщина.

– Эх, котя, котя. Приводи уже свою мурку. Обещаю не выгонять. Но и ты пообещай, что больше не будешь гадить в обувь.

Кот одобрительно замурчал. Женщина, оставив окно открытым, ушла спать. Писатель решил, что можно покинуть свое укрытие.

– Выходи, выходи. Угроза миновала, – кот сидел на подоконнике, глядя в распахнутое окно.

– Мда-а! Весело у тебя тут.

– Нормально.

Ночь была тихой. Изредка доносились звуки проезжающих машин. Желтый фонарь освещал пустынный двор. Писателю не хотелось покидать эту квартиру. Он мог бы пообщаться с котом еще и даже познакомиться с хозяйкой, но необъяснимое чувство подсказывало ему, что этот сон подходит к концу.

– В дверь тебе не выйти. Придется лезть в окно, – кот, не моргая, смотрел на Писателя.

– Но, я...

– Никогда не лазил в окна! Знаю, знаю! Ничего сложного. До тебя дорожку протоптали. Тут всего пятый этаж, а внизу цветник. Так что, в случае чего, все будет в лучшем виде, – кот засмеялся так, что Писатель даже не усомнился: это самое «чего» обязательно наступит.

Осторожно встав на подоконник, он повернулся спиной и сел на корточки. Спустив правую ногу, долго искал упор, убедившись, что стоит крепко, опустил вторую ногу.

– Смелее, смелее! Это тебе не книжки писать. Небось, над своими героями как только не издевался? Иди ж теперь, сам попробуй.

Писатель уже давно чувствовал себя персонажем неизвестной книги. Он даже вспомнил, что в одном из его романов главный герой попадает в похожую ситуацию. Проводит ночь с прекрасной дамой, а когда неожиданно появляется муж, спасается бегством через окно. И причем неудачно. Сорвавшись вниз, герой-любовник падает на железную ограду палисадника, где выпускает дух.

– Интересно, а там есть заборчик? – пробормотал Писатель, стараясь разглядеть цветник.

– Есть, есть! – раздался голос над ухом. Писатель вздрогнул, едва не сорвавшись, но удержался. На балконе четвертого этажа курил мужчина. Темнота не позволяла разглядеть его. На фоне черной фигуры красной точкой тлела сигарета.

– У нее там свободно, что ли?

– Угу, – промычал Писатель.

– Ну, тогда слазь, не задерживай движение, – мужчина затаился, скинул окурок и встал на перила балкона.

Удачное расположение водостока и газовых труб позволило Писателю довольно быстро опуститься на уровень третьего этажа.

Мужчина в свою очередь ловко перебрался на водосток и в два счета оказался в заветном окне.

– Пшел вон! – прозвучало в ночи, после чего послышалось возмущенное кошачье «мяу».

Сон 13. Страх

Слышишь хриплое дыхание?

Слышишь шорох за плечами?

Не оглядывайся зря —

Никого с тобою ря...

(с) Mordor – Страх

Когда Писатель достиг земли, он первым делом проверил, есть ли у цветника ограждение. Невысокий заборчик был на месте. Упав на такой с пятого этажа, и обязательно что-нибудь себе сломаешь. Если, конечно, вообще останешься жив.

Напоследок взглянув на пятый этаж, Писатель зашагал прочь от злополучного дома. Но, не успев пройти и нескольких шагов, молодая девушка чуть не сбила его с ног.

– Помогите! Прошу вас! Пожалуйста! – девушка была сильно напугана. Слезы текли по щекам, оставляя черные полосы туши. Волосы растрепаны, дыхание сбито. Наверное, она долго бежала от преследователя. Писатель огляделся по сторонам, но никого не увидел.

– Успокойся! Кто за тобой гонится? Я никого не вижу.

– Он! Он там в темноте! Мамочка, как мне страшно! Спасите меня, пожалуйста! – она прижималась к абсолютно незнакомому человеку, будучи уверенной, что обязательно найдет защиту. Несколько минут Писатель всматривался в темноту. Но как только он собрался отвести взгляд, черная фигура вышла на свет. Это был крупный мужчина. Его лицо скрывала маска, а в правой руке блестел огромный нож. Преследователь сделал шаг и остановился.

– Что тебе нужно? – спросил Писатель, четко осознавая намерение незнакомца.

Человек с ножом молчал.

– Оставь девушку в покое и проваливай! – Писатель старался держаться уверенно, но голос предательски дрожал. Мысль о том, что все происходящее всего лишь сон, немного успокоила его. Девушка прижималась к нему всем телом, даже не догадываясь о происходящем.

Незнакомец двинулся в их сторону. Писателю ничего не оставалось, как пойти к нему навстречу. Он размышлял, куда лучше нанести удар, не имея никаких навыков. Конечно, в буйной молодости ему приходилось драться, но когда это было? Да и слово может ударить посильнее любого кулака. Эту истину Писатель усвоил еще в студенчестве и с тех пор умело ей пользовался.

– Мужик, лучше уйди! – но незнакомец молчал, подступая все ближе. – Я не боюсь того, кого даже не существует, – мысль, сама собой возникшая в недрах разума, стерла агрессивный персонаж. Человек с ножом просто исчез.

– Ну, перестань плакать. Видишь, там никого нет. – Писатель гладил растрепанные волосы юной красавицы. Но как только она обернулась, незнакомец снова возник, встав катострофически близко. Лезвие ножа, блеснув в свете фонаря, резко вонзилось в талию девушки. Она вскрикнула. Полные слез глаза, удивленно смотрели на Писателя.

– Вы меня обманули?! – девушка медленно сползала на землю. Ее горячая кровь заливала Писателю руки. – Зачем? – прошептала она холодеющими губами. Нападавший исчез.

– Тебе все это снится! Это все ложь! Слышишь меня? Сон! Это всего лишь сон! – но она не слышала. Слезы еще текли из стеклянных глаз, но сама девушка была уже мертва. Писатель ждал, что сейчас и он потеряет сознание, но ничего не происходило. Он сидел на пыльном асфальте, держа в объятиях мертвую девушку. Ее кожа бледнела, а тело холодело с каждой минутой. Почему-то он был уверен, что в этом сне ночь никогда не закончится.

– Эй! Эй, кто-нибудь! Здесь человека убили! – но на помощь никто не пришел. Спящие окна были безразличны ко всему происходящему. Писатель решил оставить тело. Ему хотелось как-то помочь девушке, и он отправился за помощью. Осознавая, что это в принципе бес-

смысленно, он не мог просто оставить ее во дворе. Он бегал между дворов, стараясь отыскать случайного прохожего. Но тщетно. Оглядевшись, Писатель заметил странный свет, исходящий от крыльца одного из домов. Подойдя ближе, он обнаружил фотографию того самого Байкера, с которым совсем недавно пил чай. Перевязанная черной ленточкой, она стояла в окружении венков, освещаемых свечами. Прикрепленный ниже листок бумаги, гласил, что именно здесь он когда-то жил. В конце текста стояли дата и время похорон.

Писатель ощутил позади себя чье-то движение, но, не успев обернуться, почувствовал острую боль в спине. Тот самый незнакомец стоял за его спиной, держа в руке окровавленный нож.

– Ты? Но тебя же нет! – голос Писателя прозвучал хрипло из-за подступившей к горлу крови.

Незнакомец молчал. Писатель пошатнулся и упал. Голова наполнилась туманом. Ему казалось, что он засыпает в теплой ванной. С траурной фотографии на него смотрел Байкер. Огоньки свечей дрожали на ветру, придавая образу довольно зловещий вид. Писатель слышал, как останавливалось его сердце, выталкивая остатки крови.

– Тебя теперь тоже нет! – прошептал убийца, склонившись над жертвой. Но Писатель этого уже не слышал.

Сон 14. Вечный солдат

Писателя привел в чувство сильнейший грохот. От испуга он попытался встать, но человек в военной форме ему не позволил, грубо уложив на пол машины. Военный УАЗик мчался по разбитой дороге. Прямо над головой Писателя стрекотал пулемет, установленный на станине. Пулеметчик навалился на оружие всем телом, стараясь прицелиться, но машину болтало слишком сильно. После каждой очереди слышалось недовольство, выражаемое в крайне нецензурной форме.

Всего в машине находилось пять человек, не считая Писателя.

– Сивый, твою дивизию! Ровней держи! – закричал пулеметчик.

– Садись и рули, раз такой умный! Эти черти всю дорогу разворотили! – отозвался водитель.

– А ты не ругай его, Кран. Мы же все равно не успеем, – встрял в разговор солдат, сидящий рядом с пулеметчиком.

– Цыц, Малой! Нам до перевала дотянуть, а там свои прикроют!

– Не дотянем... – солдат отстегнул рожок автомата. Тот был пуст, – у Слона такая же история, – парень, сидевший напротив Малого, печально кивнул.

Мотор ревел изо всех сил. Время от времени рядом с машиной что-то взрывалось, накрывая сидящих в ней людей землей и камнями.

– Кран! Кажись, с Лютым беда, – крикнул водитель, и машину здорово трянуло. Писатель понял, что он на войне. И вроде даже среди своих, но против кого война и как он оказался в этой машине, было неизвестно.

– Так и есть! Готов, Лютый! – парень по кличке Слон придерживал уже безжизненное тело, сидящее на переднем сидении.

– Аа-а, твою то ма-а-ать... – закричал водитель, и машину накрыло взрывной волной. Мощный хлопок оглушил Писателя, заставив его зажмуриться. На несколько секунд он перестал ощущать под собой холодный металл автомобиля. Горячее облако пыли окутало его, словно одеяло, не давая вдохнуть. Писатель не слышал грохота кувыркающегося УАЗа. Не слышал, как кричит раненый Слон. Впрочем, в тот момент Слон и сам себя не слышал. Он еще не знал, что лишился правой ноги. Ощущение ожога постепенно превращалось в нестерпимую острую боль. Пыль начала рассеиваться. Писатель обнаружил себя лежащим на боку. В ребра упирались острые камни, сверху лежала помятая дверь автомобиля. Он все видел и почти раз-

личал крик солдата, но не мог пошевелиться. Сколько не пытался, тело отказывалось подчиняться.

Метрах в двадцати догорал перевернутый УАЗик, скрывая под собой раздавленное тело Сивого. Прижавшись спиной к огромному камню, сидел истекающий кровью Слон, держа в бледнеющих руках автомат с пустым рожком. Чуть левее ворочался Кран. Его конечности были на месте, но при взрыве он ударился о пулемет, сильно разбив лицо. Рядом с ним находилось тело Лютого. Краем глаза Писатель заметил движение. Почти рядом с ним, за камнем, лицом вниз лежал Малой. Можно было подумать, что он мертв, если бы не периодические вздрагивания. Спустя несколько минут появились два джипа. Люди в масках осматривали место происшествия. Слона убили почти сразу, выстрелом в голову. На всякий случай выстрелили в Крана, затем в Лютого. Писатель ждал, что сейчас и он получит свою пулю, но солдаты его не видели. И только Малой дрожал все сильнее. На расстоянии вытянутой руки слева на земле покоился пулемет. Совсем неповрежденный взрывом, он был единственным оружием против палаток. Малой поднял заплаканное лицо. Взглянул на пулемет и на солдат, и слезы градом потекли по разодранным щекам. Встретившись взглядом с Писателем, Малой что-то прошептал распухшими губами, но тот ничего не понял. Он уже сам был готов подняться, подбежать к оружию, а там – будь что будет. Но тело. Тело отказывалось двигаться. Солдаты сделали несколько снимков и уехали, оставив после себя облако пыли. И, о чудо! Писатель почувствовал, что снова может двигаться. Скинув с себя искореженную дверь, он первым делом направился к Малому.

– Почему? Почему ты не стрелял? – он тряс Малого за грудки.

– Потому, что это сон! – ответил рыдающий парень. Писатель ослабил хватку. – Уже десять лет, в годовщину случившегося, мне снится один и тот же сон. И я ничего не могу изменить. Это сон – в реальности все было страшнее. Я взял этот чертов пулемет, но он не выстрелил. Меня схватили и взяли в плен. Целый год я терпел боль и унижения. Дважды пытался бежать, но меня снова ловили, и все повторялось. Даже самая извращенная фантазия не может нарисовать то, что со мной происходило. Больше всего на свете я жалею о том, что не умер вместе с ними. Однажды, уже во сне, я все-таки взял этот пулемет. Осечка. Палец нажимал на курок вновь и вновь, но выстрелов не было. Это был самый страшный сон. Пережив ужас дважды, я поклялся никогда больше не брать этот пулемет.

Белая полоса ракеты расчертила небо. За перевалом раздался взрыв. Два вертолета, свистя лопастями, пронеслись над головами Писателя и солдата.

– Наши, – грустно произнес Малой.

– Вовремя, – отозвался Писатель.

Сделав несколько заходов, вертолеты скрылись за горизонтом, оставив после себя черную полосу дыма. Он плыл над горными хребтами, развеваясь на ветру, словно пиратский флаг.

Стоя в окружении заснеженных вершин, Писатель пытался не восхищаться их красотой. А они были красивы. Даже эта черная полоса, теперь напоминавшая траурную ленту, не портила красоты. Он знал, что там, за спиной, лежат четыре человека, которые в самом деле, мертвы. И это не совсем сон. Это воспоминание. Красота и мощь, граничащая с болью и страхом.

– А иногда мне снится другой сон. Меня не берут в плен. Я везу тела ребят домой. Груз «двести». Самолет набирает высоту, но его сбивают. Борт разлетается на куски, но я еще жив. Я падаю вниз вместе с горящими обломками. Мимо пролетает гроб, а из него выпадают то Слон, то Кран или Сивый. Только Лютый не снился. Наверное, мы с ним мало общались.

– Не бойсь, Малой! Это не больно! – они говорят эту фразу, исчезая на сером фоне гор. Я должен был умереть. Должен был. Вся моя жизнь – сплошные воспоминания. Лучше смерть. Я готов молиться всем богам, чтобы они меня забрали, но, кажется, у них другие планы.

Я... – Малой замолчал. Писатель заметил на груди мокрое пятно. Солдат медленно прикоснулся к нему, и пальцы окрасились алым цветом.

– Такое мне еще не снилось, – прошептал Малой и рухнул на землю. Не было сомнений в том, что стрелял снайпер. Горы уже не были столь привлекательны. Теперь они выглядели угрожающе. Писатель чувствовал на себе чей-то взгляд. Медленно повернувшись, он тихо пошел прочь, но не успел сделать и десяти шагов. Боль пронзила грудь, оставив на футболке темное пятно крови. Пуля. Чем жарче становилось в груди, тем иллюзорнее становился мир. Он таял, превращаясь в легкую дымку, унося с собой заложника чужих снов.

Сон 15. Тату

Загони! Заколи!

Разведи на теле ад!

Без наркоза

Прошивай меня иглой!

Черну жжженку запали,

Наколи-ка мне партак!

Давай, наколи!

Пока молодой!

(с) Гробовая доска – Партаки

Он брел по пустынной улице. Ветер играл с мусорными пакетами, гоняя их по причудливой траектории. Дома хоть и были исписаны яркими граффити, казались пустыми, безжизненными.

Тощий пес выпрыгнул из мусорного бака, держа в зубах большую белую кость. Животное скрылось во дворе одного из домов, чтобы без помех насладиться добычей или спрятать до лучших времен.

Писатель разглядывал трущобы, и что-то знакомое всплывало в его душе. Нет, он определенно не был здесь. Но место было похожее. Амнезия стерла имена и даты, но места и лица появлялись в голове друг за другом.

Вспомнилась одна юношеская драка. Ребята с окраины не любили чужаков. В то время их никто не любил. Писатель не помнил, как оказался на чужой территории, и что ему было нужно. Он помнил только холодный осенний день. Мелкий дождь моросил с самого утра. Его кеды давно промокли, но он даже не пытался скрыться. У него была цель. Писатель (а тогда он им еще не был) точно знал, куда и зачем идет. Но это было тогда. Сейчас он вообще не имел понятия, где находится и куда направляется.

Если верить воспоминаниям, он пролез под товарным составом, когда его встретили шестеро местных. Они не задавали вопросов. В тот день он так и не достиг своей цели. Сколько его били, Писатель не помнил, так как потерял сознание почти сразу, на втором ударе. Пришел в себя от дикой боли в груди. Как позже выяснилось, ему сломали два ребра. Что-то холодное и жесткое упиралось в шею. Писатель с ужасом осознал, что лежит на рельсах. Должно быть, обидчики надеялись, что состав тронется раньше, чем очнется их жертва. На теле не было живого места. Сбравшись с силами, он отполз от состава, раздирая локти и колени острым щебнем. Когда сознание вновь вернулось, он лежал в больничной палате.

Сейчас все было немного иначе. Его тело уже в больнице, а душа бродит по чужому городу, который к тому же еще кому-то снится.

Чуть вдалеке, справа, хлопнула железная дверь. Подойдя поближе, Писатель увидел вход в подвал. Крутые ступени вели в сырую темноту. Где-то там, внизу, слышались голоса. Открыв деревянную дверь, Писатель оказался в большом просторном помещении. Стены украшены причудливыми рисунками. Кошки, змеи, волки, абстракции, изображения святых и прочее, прочее. Глаза разбегались от изобилия. То, что это эскизы татуировок, Писатель понял, когда

на одной из стен увидел ряд плакатов, изображающих мужчин и женщин, демонстрирующих свое расписанное тело.

– Наколи, а? Я тебя прошу, ну пожалуйста! – умолял почти плачущий мужской голос.

– Слушай, отстань, а? Я тебе сказал, что негде! Посмотри на себя, ни одного пятна свободного.

Писатель не сразу заметил дверь в стене, увешанной черно-белыми снимками. Она открылась, и в комнату вошел высокий худощавый парень. Его руки, как плети, свисали из кожаной безрукавки. Синие джинсы обтягивали тощие ноги. Его огромные тяжелые ботинки смотрелись смешно и неуместно, но, кажется, он считал свой внешний вид пиком моды. Резким движением руки молодой человек откинул с лица косую челку, и, узрев гостя, замер.

– А ты еще кто? – дистрофик угрожающе покрутил правым запястьем, украшенным браслетом с шипами.

– Я... – Писатель не закончил фразу. Позади дистрофика появилось нечто. Он сразу и не понял, что это человек. Тело имело сине-зеленый цвет с красными пятнами. Сначала Писатель подумал, что это костюм, потом – просто рисунок. Но когда человек вылил на голову (она была абсолютно лысая и покрытая причудливыми узорами) бутылку воды, сомнения отпали. Это были татуировки. Человек улыбнулся. Улыбка, была единственным белым пятном в этом темном море красок.

– Чего молчишь-то? Кто такой, спрашиваю?

– Простите, я, кажется, ошибся дверью, – Писатель развернулся в сторону выхода, но человек с синей кожей остановил его.

– погоди, погоди. Брат, у нас тут спор вышел. Он говорит, что на мне места нет, а показываю, вот, мол, и вот. Коли, не хочу, а он в отказ. Ты сам посмотри, – мужчина завернул правую штанину до колена, обнажив паутину наколок. На щиколотке виднелось еле заметное пятно, не тронутое чернилами.

– Ну что ты хочешь от меня? – худой развел свои руки – плети.

– Нарисуй Джокера, а? Малюсенького! Ну, пожалуйста!

– Я тебе что, ювелир? За такую мелочь даже братья не буду!

– Желание клиента – закон!

– Иди ты к черту! Здесь я закон! Сказал «нет» – значит нет!

– Ну ты же художник! Лучший из всех, кого я знал! Тебе это дело пяти минут, а мне приятно на всю жизнь. У меня в шестнадцать уже партак был. Кореш делал. Так что ж теперь: тормозить. Коли!

– Я потому лучший, что на ерунду всякую талант не трачу. Мне масштаб нужен, а ты – холст уже исписанный, так что извини. И корешок твой в земле давно, своими картинками червей радует. От рака кожи загнулся, если я не ошибаюсь, вот и тебе туда дорога, если не тормознешься.

– А я смерти не боюсь! Она всегда со мной! – парень хлопнул себя по груди. На почетном месте красовалось изображение смерти. Она стояла в черном плаще, держа в костлявых руках острую, как бритва, косу. Казалось, ее пустые глазницы смотрели прямо на Писателя, отчего он ощутил неприятный холодок.

– Значит, не наколешь?

– Нет!

Взгляд просящего потух. Плечи осунулись, и сам он как-то сгорбился. Собравшись было уходить, мужчина остановился

– Масштаб, говоришь, тебе нужен! Холст чистый? – его голос дрожал, и казалось, что он вот – вот расплачется. – Будет тебе холст! – закричав, мужчина вонзил ногти себе в грудь. Сначала он просто царапал себя до крови, раздирая свою плоть снова и снова. В очередной раз

впившись ногтями в тело, он сорвал небольшой кусок кожи. И полетели нарисованные черти и голые женщины. Мужчина кричал, заливая кровью пол и стены, продолжая рвать кожу. И вот, одним движением сорвав лицо, словно маску, он упал, захлебываясь собственной кровью.

От увиденного Писателю сделалось дурно. В глазах помутнело. Крови становилось все больше.

В то время как Писатель едва не терял сознание, татуировщик спокойно наблюдал за происходящим.

– Черт! Двадцать четвертый каталог, рисунок номер сорок восемь. Десятый год. Самая удачная работа. – Мужчина держал обрывок кожи, любуясь изображенным на ней рисунком. И ни чувства сострадания или отвращения не было и в помине. Наоборот, он наслаждался.

Писатель сел на журнальный столик, стараясь не смотреть на истерзанное тело.

– А это церковь в огне. Символ безверия и отчаяния. Торжество зла. Помню, когда я ее набил, за городом сгорел храм. Конечно, случайность, ничего более, но заставило задуматься. Впрочем, я всего лишь исполнитель. Я бы колол ангелов и святых, но людям этого не надо. Редко, очень редко, но такие еще встречаются.

Был у меня один клиент, так он, наоборот, принципиально колол только светлое и положительное. Обрастая святыми, он был подобен иконостасу. Искренне верил, что иконы и храмы защитят его. Бедняга. Наверное, он очень расстроился, когда рак кожи сказал ему привет.

Все его святые сгнили еще до того, как он лег в гроб. Пытались даже обвинить меня, но все оказалось чисто. Репутация стоит того.

Один пытался приблизить себя к раю, другой бредил адом. А что в итоге? Оба остались без кожи. Но, думаю, у первого смерть была лучше. Хотя, если учесть разочарование... Не знаю. Порой душевная боль сильнее плотской.

И не надо говорить, что это все из-за чернил. У меня таких разрисованных десятка два. И ничего. Живут и здравствуют, потому что на теле красота – в голове порядок, – Мастер ходил вокруг окровавленного тела, поднимая и разглядывая фрагменты кожи.

Писатель сидел молча. Его воротило от сладко-соленого запаха крови. Мысль о том, что надо покинуть этот зловещий подвал, пыталась пробиться сквозь оболочку безразличия и усталости. Его клонило в сон, а, может, он снова терял сознание. Он был готов. Декорации менялись, как в театре. Вот только чем закончится его пьеса, Писатель не знал. Рука нащупала потрепанную тетрадь. Половина. Ровно половина была исписана.

Наверное, очень глупо было сидеть в этом подвале, в двух шагах от трупа, и пялиться в грязные страницы. Хозяин тату-салона продолжал что-то бормотать себе под нос. Писатель поднялся, отчего закружилась голова. На ватных ногах он медленно направился к выходу. Его качало из стороны в сторону. С большим усилием передвигаясь по крутым ступеням, он всем телом опирался на блестящий поручень, прибитый к холодной шершавой стене.

На поверхности дышалось легче. Пейзаж уже не выглядел таким мрачным. Писателю хотелось закричать. Рассказать о случившемся внизу, но слова комом встали в горле.

Он огляделся, в надежде найти помощь. Никого. Ветер разгонял мусор, гремя оторванным куском железа. За спиной послышался шум. Обернувшись, Писатель увидел худого облезшего пса. Животное смотрело на человека, не отводя своих карих глаз.

– Хороший песик! Не подскажешь, где тут люди? – Писатель улыбался, но голос его дрожал, выдавая нервное напряжение.

Пес зарычал, шумно вдыхая воздух. За углом послышалось цоканье. Это прибежало еще пятеро уличных псов. Разные по внешнему виду и возрасту, они были одинаково голодны. Писатель не сразу понял, что от него пахнет кровью. Это и привлекло животных. Ему совсем не хотелось становиться чьим-то обедом. Глядя прямо в глаза первому псу, Писатель медленно попятился назад, одновременно стараясь зайти за спину животных. Он понимал, что

его единственным укрытием является подвал. Собаки зарычали, перейдя в наступление. Медленно и слаженно они двигались за своей жертвой. Должно быть, вожак догадался о планах жертвы и бросился вперед. Писатель уже повернулся к нему спиной, готовясь бежать. Острые клыки впились ему в левое плечо. От неожиданной боли Писатель дернулся и, резко наклонившись вниз, скинул озлобленное животное. Теперь пес был прямо перед ним. Писатель собирался пнуть его, когда почувствовал боль в правой ноге. Другой пес атаковал его сзади, вцепившись в икроножную мышцу. Теплая кровь струилась по спине, смешиваясь с холодным потом. Звери окружали его, скалясь и рыча. Путь в подвал был отрезан. Псы уже рвали куртку, когда под ногами что-то звякнуло. Среди собачьих лап жертва узрела бутылку из-под шампанского. Преодолевая боль, Писатель наклонился, и в тот же миг огромный пес запрыгнул ему на спину.

Челюсти грызли голову, стараясь снять скальп. Кровь попала в глаза, и Писатель не видел, куда бьет. Он размахивал бутылкой, как булавой, стараясь скинуть с себя разъяренного зверя. Какое-то время он промахивался, но, понимая, что жить ему осталось всего несколько секунд, Писатель зарычал, подобно одичавшей собаке, и в очередной раз, ударив наотмашь, попал в цель. Пес, стоявший перед ним, взвизгнул и отпрыгнул в сторону. Теперь, когда на несколько секунд дорога открылась, Писатель рванул вперед, оставляя в зубах заднего пса кусок плоти и одежды. Он просто рухнул в темноту подвала спиной вперед. Кости пса хрустнули, и животное издало жалобный вой. Сам Писатель во время падения почти не пострадал. Пес хрипел, выпуская дух, а жертва, не теряя времени скрылась, за железной дверью. Писатель слышал, как скребют когти по металлу, слышал голодное ворчание. И понимал, что собаки не уйдут. Они будут ждать его.

– Эй! Мне нужна помощь! Слышите! – закричал он дрожащим голосом, морщась от боли. Было неприятно сидеть, прижавшись мокрой спиной к холодной двери. Но еще неприятней было видеть разорванную ногу. Крови становилось все больше. До той лужи, в которой лежало тело, было еще далеко, но если так пойдет и дальше, в подвале будет два покойника.

– Эй! Кому снится этот чертов сон? – боль накатывала волной, поднимаясь от ноги к плечу, и, словно электрический ток, ударяла в голову, отчего сознание проваливалось в черную бездну. Скрежет когтей становился невыносимым. Дверь второй комнаты открылась, и в проеме возник хозяин, облаченный в черный брезентовый фартук, резиновые перчатки синего цвета и защитные пластиковые очки.

– Че надо? – буркнул парень, убирая с лица длинные спутанные волосы. Не дожидаясь ответа, он нырнул обратно в комнату и появился снова, держа в руке ножовку по металлу. – Электрической нет. Придется пилить вручную – парень шагнул в лужу крови и опустился на одно колено. Он начал с головы. Жилы, мышцы, хрящи и кости неохотно поддавались тонкому полотну.

– Что ты делаешь?

– А то не видно? Животные, на что уж глупые создания, и те все поняли! – Пилу закусило, и полотно лопнуло. Выругавшись, парень стал вставлять новое.

– Помогите мне! Я умираю! Прошу тебя! Пожалуйста! – Писатель плакал. Ему казалось, что когти уже сточили металл настолько, что еще чуть-чуть, и собаки ворвутся в подвал. Быть заживо съеденным совсем не хотелось.

Хозяин салона ничего ему не ответил. Писатель понимал, что умирает от потери крови, но мысли путались, а тело сковала слабость. Усни он в тот момент, и пробуждение вряд ли наступило.

Голова была отпилена. Мастер вытер пот с лица, измазав его кровью жертвы. Писатель только сейчас заметил, что у самого татуировщика нет на теле рисунков. По крайней мере, на видимых участках. В его представлении люди такой профессии должны и выглядеть соответствующе.

Зашевелился один из кусков кожи.

– Ну, вот и все. Предсмертная агония.

– Что? – переспросил мастер.

– Кусок. Шевелится, – во рту все пересохло, от чего слова звучали чуть слышно. Но парень услышал его. Вскочив, он поскользнулся и снова оказался в луже крови. Кожа и правда двигалась. Это был тот самый фрагмент с изображением черта. Именно им совсем недавно восхищался мастер.

Изображение вытянулось и стало выпуклым. Рогатое существо пыталось покинуть поверхность кожи. Рыча и брызгая слюной, он скалил кривые желтые зубы, стуча когтями по бетонному полу. Вслед за ним возникли черепа и змеи. Обнаженная женщина с трезубцем в руках восседала на разъяренном волке. Кольцо из пламени окружило мастера. Монстры продолжали появляться, все больше обступая своего создателя. Собаки за дверью завывали, перестав царапать дверь.

– Ты! Ты создал нас! Зачем ты позволил так обращаться с нами? Зачем? – женщина шипела, как змея. Глаза ее налились кровью, губы сложились в злое оскальчившееся оскал, обнажая острые клыки.

– Зачем? Зачем? – вторил черт, прыгая вокруг мастера. Взлетев до потолка, он приземлился на голову парню, укусив его за ухо. Мастер вскрикнул, швырнув нечистого об стену. Черт обиженно заверещал, но второй раз нападать не решился.

– Этого не может быть! Вы всего лишь картинки! Вы не живые! – вопил парень, вжимаясь в угол. Кровь текла из прокусанного уха, отчего черт довольно облизнулся.

– Разве? А он считал иначе! – женщина ткнула трезубец в мертвое тело. – Мы сходили с его тела каждую ночь, и он был счастлив. Он не боялся ада. Он любил его. Но ты убил его. Джокер был последним из нашей компании, но ты отказался его рисовать. Почему? Почему? Знай, наступит день, когда все черти мира сойдут с людской плоти, и на земле воцарится ад. А пока этого не произошло, мы проживем на тебе. Мы будем оживать каждую ночь, и ты будешь молить о пощаде. Ты даже умереть не сможешь, пока мы тебе не позволим.

Смерть, стоявшая в углу словно тень, медленно двинулась в центр полукруга. Приклонив колено, она прикоснулась к человеку без кожи, и его тело выгнулось и тут же вернулось в обычное положение.

Монстры двинулись к мастеру, и пламя вспыхнуло еще сильнее, заглушая его крик.

Когда огонь потух, не было уже ни чертей, ни мертвеца. Только хозяин салона лежал на полу, широко раскинув руки. Писателю показалось, что еще слышит гадкий голос черта. Холод окутал тело. Потеря крови дала о себе знать. Стены подвала дрогнули, унося Писателя в черную воронку.

Сон 16. Гробовщик

На поклон под косою!

Смерть выходит на покос!

Вот и все! Вызывай меня и мой

Черный гробовоз!

(с) Гробовая доска – Гробовоз

Они все твари

Твари у твоих белых ног,

А ты святая,

Ты святая, видит Бог!

А они не знают,

Они не достойны тебя!

А ты святая...

Ты святая...

Ты святая...

(с) Гробовая доска – Святая

Писатель чувствовал приятный запах цветов. Он знал, что как только откроет глаза, начнется новый сон. Да и лежалось ему удобно, смущало только то, что лежал он в позе мертвеца. Руки, скрещенные на груди, положение ног, если лечь именно так и какое-то время не двигаться, мышцы начнут уставать, а судя по ощущениям, он лежал достаточно долго.

Только любопытство заставило Писателя открыть глаза. Высокий сводчатый потолок был украшен огромной люстрой, которая источала приятный мягкий свет. Почти под самым потолком по кругу расположены небольшие окна, украшенные мозаикой из стекла. Собранные из разноцветных кусочков лики святых казались усталыми и отрешенными.

– Церковь! – подумал Писатель и поспешил подняться. С ужасом обнаружив, что половина его тела закрыта крышкой гроба, он замер. Цельное дерево, покрытое блестящим черным лаком, позолоченные ручки, внутреннее убранство – все это говорило о солидной стоимости гроба.

Конечно, история знает немало случаев, когда людей хоронили заживо. Но, почему ему не поменяли одежду? Отправляющихся в последний путь, как правило, одевают должным образом. У Писателя было два соображения. Либо гроб предназначался не ему, либо это снова чей-то дурацкий сон. Он почти обрадовался, что его мучения закончились. Очнуться в собственном гробу – удовольствие довольно сомнительное, но скитаться по чужим снам – занятие тоже не из приятных.

Откинув крышку, Писатель сел. Большое просторное помещение было украшено корзинами цветов. Стены и потолки выкрашены в белый цвет. Даже на полу лежал ковролин светлого оттенка. Помимо писательского гроба в зале находились еще три. В дорогом лежал молодой парень с черными, как смоль, волосами. Писателю почему-то подумалось, что этот парень очень нравился девушкам.

Опустив ноги на мягкий пол, Писатель выбрался из гроба. Стоя, он смог разглядеть другие гробы. Обычный, украшенный красной материей и траурной окантовкой по краям, вмещал в себя пожилого мужчину, худого настолько, что на лице практически отсутствовали мышцы. Впалые щеки, ввалившиеся глаза, Писатель никак не мог понять, какое чувство в нем вызывает созерцание этого тела. Пожелтевшая кожа, похожая на пергамент, выглядела тонкой и, казалось, вот-вот лопнет, обнажив белые кости покойного. Третий гроб отличался от предыдущего только цветом. Материя была синей, а внутри лежал мужчина средних лет. Видимо, грим немного подтаял и перестал скрывать синяк под правым глазом и припухлость над верхней губой.

Писатель еще раз оглядел комнату. Маленький журнальный столик сиротливо стоял в дальнем углу. Он был заполнен различного рода косметикой. Писателя осенило, что он, скорее всего, находится в похоронном бюро. А это комната, где умерших готовят к похоронам. Стена позади него пришла в движение. Она плавно уходила вверх, монотонно жужжа подъемным механизмом. С первого взгляда было трудно определить, что это и не стена вовсе, а занавес. Материал был очень плотный и, наверное, тяжелый. Поднимаясь все выше и выше, он обнажал сначала белые ступени, подиум, седовласого мужчину в белом халате, сидящего лицом к длинному ряду блестящих труб. И когда занавес почти поднялся, его тело дрогнуло. Громкие, необычайно чарующие звуки заполнили зал.

Писатель вдруг вспомнил, как однажды в глубоком детстве, побывав на вечере органной музыки. Звуки проходили сквозь него плотными слоями воздуха, вызывая в душе и боль, и радость одновременно. Ему казалось, что еще пара нот, и он воспарит. Оторвавшись от кресла, он будет лететь над заполненным людьми залом. И когда это чувство пришло, ноги уже почти оторвались от пола, сухая костлявая рука пожилой женщины легла ему на плечо. Морщинистое лицо старухи было полно безразличия и злости.

– Глупый мальчишка! Не можешь сидеть спокойно? Сядь смиренно и не прыгай! – ее голос был сухим словно кожа, а слова как морщины легли на юное сердце, полное любви и радости.

С тех пор он не испытывал ничего подобного. До этого момента. Сейчас Писатель уже оторвался от мягкого пола на несколько сантиметров. Медленно, но он поднимался вверх, к яркому свету хрустальной люстры. Ему хотелось дотронуться до белого потолка. Заглянуть в глаза святым, чьи образа были собраны из цветных кусков стекла. Но музыка стихла. Люстра качнулась в глазах Писателя, и он рухнул вниз.

– Не ушиблись? – человек в белом халате засмеялся, склонившись над своим гостем. Это был мужчина лет пятидесяти. Седовласый, широкоплечий, крепкого телосложения. Гладко выбритый, аккуратно подстриженный, он походил на отставного офицера. Под белым халатом виднелся строгий костюм.

– Гробовщик! – мужчина протянул Писателю огромную шершавую на ощупь ладонь. Короткое рукопожатие вызвало хруст суставов и неприятное болезненное ощущение.

– А я...

– Мне известно: кто вы! И признаться, Вы первый Писатель, которого я вижу, так сказать, живую. Конечно, я похоронил немало деятелей культуры, но Писателей среди них не было.

– О чем вы?

– Нет, нет, не беспокойтесь! Вы живы! По крайней мере, пока. Простите меня, я не удержался. Это я положил вас в гроб, пока вы были без сознания. И, заметьте, выбрал самый дорогой! Каково это: проснуться в гробу? М-м?

– Это страшно... – Писатель покосился на усыпанный цветами деревянный ящик, и по коже пробежал озноб.

– Разве? Странно, мне всегда казалось это забавным. Меня так разыграл отец, когда мне было семь лет. Он положил меня спящего, в маленький гробик. В то время умер сын судьи, утонул в местном пруду. Так вот, он положил мое тело в гроб, а когда я очнулся, он сделал вид, что не видит и не слышит меня. И я поверил, что мертв. Знаете, что было дальше?

– Нет.

– Я выбежал из мастерской и первым делом направился к дому Черной Вдовы. Противная злая тетка. Сейчас ее дом в запустении, а раньше это был самый дорогой особняк в городе. Она была трижды замужем и пережила всех своих мужей, каждый из которых умирал таинственной и загадочной смертью. Все были уверены, что она их и убила. Но сказать боялись. Богатая и злая, она обладала страшным даром проклятия. Я застал похороны ее третьего мужа.

Мы пришли к ней с отцом обговорить детали похорон, и я случайно задел столик, на котором стояли какие-то уродливые фигурки. Одна из них разбилась. Как оказалось, они были редкими и стоили огромных денег. Вдова поставила отцу условие. Либо он меня высечет при ней, да так, чтобы я лишился сознания, либо отдаст ей свой бизнес и дом. Это только плата за фигурку. Моральный ущерб в эту стоимость не входил. Конечно, отец выбрал меня. Он не виноват. Будь я на его месте, сделал бы то же самое. Отец порол меня своим широким кожаным ремнем, а Вдова наблюдала за происходящим, медленно раскачиваясь в кресле-качалке. Ее лицо скрывала черная вуаль, но я чувствовал ее взгляд. При каждом ее глаза протыкали меня, словно сотня гвоздей. Не знаю, что вызвало обморок, ремень или этот взгляд.

Потом, двумя годами позже, когда отец пошутил надо мной, я вернулся, чтобы отомстить. Мне хотелось разломать все в ее доме. Уничтожить все ценности. Превратить в мусор. И никто бы меня не наказал. Потому что я был мертв. Так я думал.

Две китайские вазы, набор хрусталя и те проклятые фигурки, – это все, что удалось разбить, пока в комнату не вошла Вдова.

– Вы ничего мне не сделаете! Потому, что я мертв! Я умер, слышите! – я кричал, а под ногами хрустели остатки фигурок.

– Мерть? Да что ты знаешь о смерти, глупый мальчишка? – она подняла вуаль, обнажая бледное лицо. Кожа покрылась паутиной тонких трещин, из которых начала сочиться слизь. Кровь хлынула из глаз, носа и рта. В комнате стало холодно, как в источнике под Лысой горой. Тени обступили меня, наполняя воздух удушливым запахом гнили. Картины падали со стен и разбивались. Лопались стекла, разлетаясь брызгами осколков. Вдова протянула руку, и я отшатнулся. Она плыла над полом, хрипя и завывая. От страха, я зажмурил глаза. Мне казалось, что ее холодные пальцы вот-вот сомкнутся на моем горле. Я уже не был уверен, что мертв. Когда глаза открылись, тени исчезли, а тело Вдовы раскачивалось на веревке. Она повесилась. Ведьма сдалась. Когда я рассказал все отцу, он решил вбить ей в грудь осиновый кол. Предрассудки, но так было спокойней. Хоронили Вдову в закрытом гробу, сославшись на ее обезображенную внешность. Она действительно, провисела там довольно долго.

Отец был суровым человеком, и юмор у него был специфическим. Он не баловал меня лаской и любовью. Отец вообще был очень молчаливым. Но, чем старше я становился, тем чаще он посвящал меня в особенности похоронного дела. К семнадцати я в совершенстве овладел искусством. А в мой восемнадцатый день рождения отец открыл мне главную тайну, – Гробовщик задумчиво провел рукой по крышке пустого гроба. Его глаза заволокла серая пелена, унося мужчину вдаль воспоминаний.

– Я никогда не задумывался, откуда у отца такие доходы. Он создал собственную индустрию смерти. Нет, дело начал дед, основав Бюро ритуальных услуг в полуразрушенном храме. Будучи священником, дед не мог прокормить семью. Церковь переживала не лучшие времена. А в нашем городе было и того хуже. Говорят, что весна и осень – время, когда обостряются психические заболевания. Растет число самоубийств. Первого конкурента по бизнесу нашли повешенным в собственном доме. Второй трагически погиб на охоте. Третий вскрыл вены. Деду пришлось изрядно попотеть, чтобы избавиться от них. Больше его делу ничего не угрожало. Отец был уже взрослый, когда убил первого человека. Его жертвой стал местный участковый. Будь он чуть менее любопытным, все бы обошлось, но, видимо, так было суждено.

Служитель закона перекрывал крышу, а когда спустился вниз, ему на голову упал неосторожно оставленный топор. Это официальная версия. Видели бы вы отца, когда он в красках рассказывал о случившемся. Кровь будила в нем зверя. Он буквально пьянел от ее запаха. Так все и началось.

Моей первой жертвой стал владелец обувной фабрики. Громкое убийство так и осталось не раскрытым. В тот вечер он, мой отец и еще несколько известных личностей праздновали день рождения судьбы. Фабрикант изрядно набрался и вышел из ресторана подышать свежим воздухом, а заодно и облегчиться. Я ждал его уже три часа. Было холодно, моросил дождь. Когда в спину вонзился нож, никто не услышал его крика. Музыка была слишком громкой. Я снял с него часы и обыскал карманы. Бумажник был полон. Огромная сумма. Орудие убийства, деньги и часы я забрал с собой. Все было похоже на обычное ограбление. Шикарные похороны ощутимо пополнили наш семейный бюджет.

Это было здорово. Деньги текли рекой. На моих руках становилось все больше крови. Но в один день все изменилось. У меня была тайная любовь. Отец запрещал мне дружить со сверстниками: боялся, что я проболтаюсь, и семейному делу придет конец. Но она, она была ангелом воплоти. Ради нее я мог пойти на любое преступление. Смертей в городе стало больше. Отец хотел, чтобы я сбавил обороты, я не слышал его. Днем и ночью передо мной был ее прекрасный образ. Как она смеялась! Богиня! Волосы цвета спелой пшеницы, кожа – нежный шелк. Глаза как два чистейших озера и губы слаще малины, растущей на заднем дворе. Еще месяц работы, и я купил бы ей самое дорогое кольцо. Но, однажды, придя к ней поздно ночью без приглашения, я застал ее в объятиях другого мужчины. Мир перевернулся. Я видел себя словно со стороны, жалкий и убогий. Вечно молчаливый и угрюмый, разве мог я быть достойной парой такой красавице. Она играла со мной. Играла, а я поддался. Идиот!

Стоя за окном, я продолжал ее оправдывать. Даже сам факт измены не убил любовь, что так сильно ранила мое сердце. А потом я увидел лицо мужчины, и мир окончательно рухнул. Это был мой отец. Я уже не слышал их сладких стонов. Не видел сплетенные в нежной истоме тела.

Конечно, отец, скорее всего, не знал, что я с ней встречаюсь. Но она-то точно знала, что я сын гробовщика. Мне было больно. Очень больно. Обида нестерпимо жгла сердце, и любовь сгорала в этом пламени, вытекая большими солеными слезами. Закричи я в тот момент, и, может, мне стало бы легче. Но я проглотил крик, отчего огонь вспыхнул с новой силой. Внутри все горело. Я хотел, чтобы они тоже сгорели. Пробравшись в ее гараж, я отыскал канистру с бензином. Дом был стареньким, поэтому вспыхнул как спичка. Шум огня заглушал их крики. Но я знал, что они кричат. Мне хотелось, чтобы они умерли в мучениях. Их останки я хоронил в закрытых гробах. Позже, копаясь в личных вещах отца, я нашел его дневник. Там было много всего интересного. Различные способы убийств. Отец тщательно описывал каждый случай. Но самый главный, выделенный красным цветом, описывал убийство моего деда. Да, он умер не от несчастного случая, как я раньше думал. Отец убил его. Он писал, что достиг высшего мастерства, а старик стал ему обузой. И вот однажды вечером, спускаясь с колокольни храма, дед оступился и упал. Смерть была мгновенной. На самом деле он упал уже мертвым. Отец пробил ему голову куском кирпича и скинул вниз. Храм рассыпался, поэтому внизу лежало множество кирпичей. Никто ничего не заподозрил. Он убил своего отца – я убил его. Будь и у меня ученик, он бы тоже меня убил. Наверное. Но его нет, – Гробовщик замолчал.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Скучно! Понимаете? Я же почти не общаюсь с живыми. Все как-то больше с мертвыми. Конечно, родственники и друзья умерших бывают здесь довольно часто. Но какое это может быть общение? Они, убитые горем, изливают свою душу, а мне только и остается, что их утешать. Да и мертвые не особо разговорчивы.

Писатель взглянул на тела, лежащие за спиной Гробовщика и мысль, что его собеседник является сумасшедшим маньяком, уже не казалась такой беспочвенной.

– Вы мне не верите. Я бы тоже не поверил. Эти покойники те еще сволочи. Притихли при постороннем. Наблюдают. Знают, что пока их души не покинули этот мир, они в моей власти. Но ничего, сейчас я вам все покажу, – Гробовщик развернулся и, сделав два широких шага, оказался у гроба старика. – Эй! Вставай, старый хмырь, нечего притворяться! Когда мы одни, тебя не заткнешь. Не выпендривайся! – Гробовщик несколько раз ударил по крышке гроба кулаком, напоминающим кувалду. Пошатал гроб с молодым парнем и едва не перевернул третий.

– Ну? Я вас не слышу! Если вы сейчас же не начнете говорить, я устрою здесь мини крематорий!

Сначала глаза открыл старик. Мутные зрачки устало смотрели в потолок.

– Чего тебе надо? Говорим – плохо, молчим – опять плохо. Живыми тебе мешали, теперь к мертвым пристаешь? – голос старика звучал хрипло. Так говорят люди, готовые умереть с минуты на минуту. Но это человек был уже мертв.

– Да он сам не знает, чего хочет! – буркнул мужчина и перевернулся на левый бок.

– Иди ты к черту! – отозвался парень и послал густой плевок в сторону Гробовщика.

Тот в свою очередь стоял с высоко поднятым подбородком, засунув огромные руки в очень большие карманы брюк. Его лицо выражало высшую степень удовольствия.

– Как они порой меня достают. Но на мертвых ведь не обижаются. Грех! Вот так ссоришься с ними, нервы тратишь, а потом засыплешь, и все. Придешь на могилку, справишься, как там лежит, нехолодно? Грунтовые воды не затопили, червей хватает? А в ответ тебе глухое бурчание, но по интонации ясно, ругается. Бывает, конечно, наоборот. При жизни человек был сволочь-сволочью, а после смерти наоборот. Помню, утопил пивовара в бочке, так он

и не обиделся вовсе. Наоборот, благодарен был. Оказывается, болел сильно, мучился. Оттого и людей травил, что сам помереть готов был. И так мы с ним мило беседовали, что расставаться не хотелось. Через месяц уж пять лет будет, как я его к – господу проводил. Сходить помянуть надо. Не забыть бы.

– А нас-то за что? Чем мы провинились? – спросил мужчина, продолжавший лежать на боку.

– А то не за что? Вот ты, мастер на все руки. Любое дело тебе по плечу, да уж больно охоч был до чужих жен. Не было ни одной юбки, где бы ты ни побывал. И так наплодил рогоносцев целое стадо. Куда уж больше?

– Тоже мне, судья выискался! – отозвался юноша.

– Тебе ли, сопляк, меня учить. Ты хоть знаешь, скольким девушкам ты разбил сердце. Они убивали себя. Но ты ничего не замечал. Смерть была повсюду, пока ты наслаждался жизнью. Я всего лишь оружие в ее руках.

– Ты чокнутый идиот! Я просто сын богатых родителей. Что я должен был сделать? Раздать деньги бедным? Черта с два! И я уж ни как не виноват в том, что эти шалавы толпами вешались на меня. Я ни в чем не раскаиваюсь, и совесть меня не мучает. Понял ты, урод! Если бы не твой грузовик, сейчас бы я развлекался с очередной девочкой! Но ты, чертов импотент, мне все испортил! – парень раздосадованно прикусил нижнюю губу.

– Грузовик? Хм! Так это тоже был ты! Сначала старик, потом мальчишка, помню, я даже поразился, когда узнал о смерти двух богатеев. Несчастный случай на охоте, и чудовищная авария. Почему для меня ты выбрал такой жуткий сюжет? Почему? – мужчина перевернулся на другой бок. Неподвижно застывшие зрачки пристально смотрели на-гробовщика.

– И что же он с тобой сделал? – парень приподнялся на локтях, чтобы видеть собеседника.

– Утопил меня в выгребной яме.

Старик и юноша засмеялись, отчего их гробы слегка зашатались. Мужчина послал обоим гневное проклятие и отвернулся.

Гробовщик торжествовал.

– Вы, действительно, сумасшедший! – произнес Писатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.